

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР РУДАЗОВ

КРИАБАЛ. СВЕТ В ГЛАЗАХ

Криабал

Александр Рудазов

Криабал. Свет в глазах

«Автор»

2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Рудазов А. В.

Криабал. Свет в глазах / А. В. Рудазов — «Автор»,
2018 — (Криабал)

ISBN 978-5-9922-2763-5

Криабал все еще не собран. Древняя волшебная книга по-прежнему остается разделена на части, и одни только боги знают, где оные скрываются. Могучий берсерк, ловкий полугоблин, искусная волшебница и благочестивый жрец продолжают их разыскивать, подвергаясь все новым опасностям. Тем временем глубоко под землей маленький кобольд добирается до страны цвергов, неся с собой известие о грядущих бедах. В Мистерии продолжает свое расследование агент Кустодиана, чародей-детектив. А по пустыне шагает слепой монах, что преследует страшное зло. Незримо переплетены их судьбы, хотя никто из них пока о том не знает.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2763-5

© Рудазов А. В., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Рудазов

Криабал. Свет в глазах

Глава 1

Земля вспучилась. Разверзлась воронка, похожая на огромную кротовину... но высунулся из нее совсем не крот. Из нее высунулись четыре громадных пилообразных бивня, за которыми последовал и их владелец – могучий индрик Трантарикуририн.

– Мы в Яминии, кобольд Фырдуз, – произнес он, крутя жуткой головищей на гибкой, почти резиновой шее. – Страна бородатых двуногих. Это ли место, куда ты хотел попасть?

– То самое. Спасибо тебе, – от души поблагодарил Фырдуз.

– Не за что, не за что. Тебе спасибо. Но дальше ты уж сам, дальше тебе быстрее самому будет.

Кобольд и не спорил. Индрик идет сквозь каменную толщу с удивительной, прямо волшебной скоростью, но это все же каменная толща. Его скорость еле-еле достигает скорости обычного пешехода.

Вот когда земля более-менее мягкая – тут да. В такой индрик плывет почти как рыба в воде. Но Яминия окружена камнем и стоит на камне.

Последний день пути индрик и кобольд вообще еле продирались через эту твердь.

– Удачи тебе на твоём пути, куда бы он тебя ни привел, – напоследок пожелал Трантарикуририн. – А я пойду обратно в глубины.

– И тебе удачи, мой друг, – обнял кошмарную морду Фырдуз. – Может, когда-нибудь еще встретимся.

– Можем встретиться, если хочешь. Можем встретиться. Я не собираюсь пока уходить из этих мест. Я чувствую, что где-то не очень далеко ходит другой индрик. Возможно, это красивая женщина – и, возможно, я придусь ей по нраву. Я хочу в это верить, кобольд Фырдуз.

– И я хочу в это верить, мой друг. Пусть ты встретишь свою суженую.

– Непременно встречу. Однажды непременно встречу. Если не в этот раз, то в следующий. Ну а пока я буду здесь, ты сможешь позвать меня, если вдруг захочешь.

– Правда? А как?

– У цвергов есть такие большие штуки... которые делают громкий звук... очень громкий...

– Била?.. Колокола?.. Гонги?..

– Не помню название. Очень громкий звук. Такой громкий, что он отзывается в камне и у меня в голове дрожат тонкие косточки. Если захочешь позвать меня – сделай этот громкий звук один раз, потом три, а потом два. Тогда я пойму, что ты хочешь меня видеть, и приду.

Фырдуз подумал, что ему вряд ли будет просто воспользоваться большим цвергским гонгом, или колоколом, или чем-то там, но обещал Трантарикуририну, что сделает это.

Индрик ушел обратно в землю, а кобольд побрел к бездонной пропасти, за которой раскинулась столица цвергов – Хасма.

О, как расширились глаза Фырдуза, когда он увидел этот город! А он-то считал Суркур огромным! Ему-то казалось, что двадцать пять тысяч индивидов в одном месте – это невероятно много!

Он здорово ошибался.

В городе Хасма обитало сто двадцать тысяч цвергов. Сто двадцать тысяч бородатых здоровяков. Страшно представить, сколько сил и труда понадобилось, чтобы выстроить эту громаду.

Тысячи зданий. Великолепных чертогов, склеенных в единый ансамбль, симфонию камня и металла. Хасма выросла в громадной полости, большая часть которой обрывалась пропастью. Она словно стояла на колоссальной ступеньке, уступе в скале. И не столько стояла, сколько была частью этого самого уступа – вырезанная из гранитной толщи, высверленная бесчисленными ходами.

Большинство городов Внизу строится подобным образом.

Через пропасть вел один-единственный мост. Идя по нему, Фырдуз старался не смотреть вниз – дна у пропасти как будто и не было. Бесконечная черная пустота. Словно опять оказался Наверху и смотришь в ночное небо. На миг Фырдузу даже показалось, что он снова видит те узоры из искр... звезды.

Верхние называют их звездами.

Конечно, бояться не стоило. Мост в свою столицу цверги положили славный. Ажурный и легкий, кажущийся опасно хрупким, он был, однако ж, волшебным прочен. Такие важные сооружения Нижние строят с применением субтермагии – подземного колдовства. Крепкие, добрые чары были здесь в каждой балке, каждой диафрагме. Быков мост не имел – вряд ли вообще возможно дотянуться до низов этой бездны, – но и устоев хватало, чтобы надежно его держать.

Сами цверги ходили по мосту без малейшего страха. Брели туда и сюда пешком, возили пустые и груженные тачки, ездили на самоходных колясках и гужевых конструктах. На кобольда посматривали с живым любопытством – видно, в Хасме сородичей Фырдуза небогато.

Цвергская стража тоже сразу им заинтересовалась. Скрестив мифриловые протазаны, похожие как близнецы бородачи рявкнули:

– Друг или враг?!

– Друг, друг! – поспешил заверить Фырдуз.

– Хорошо, коли так, – степенно кивнул цверг справа. – Мы здесь поставлены, дабы кидать врагов сразу к центру Парифата.

– Я не враг, Пещерник мне свидетель!

– Что не враг – верим, пожалуй, – согласился цверг слева. – Мелок слишком для врага. Но и что друг – на лице не написано. Как нам узнать, что ты в самом деле друг Яминии?!

– Я очень люблю Яминию и яминцев! – заявил Фырдуз. – Так люблю, что делаю подарки каждому цвергу, с которым познакомился! Вот, примите от чистого сердца, друзья!

Кобольд протянул стражам по тяжелой золотой монете из подобранных в драконьей пещере. Цверги внимательно посмотрели на них и переглянулись.

– Как считаешь, Скильдкхатмерг? – спросил правый. – Друг ли Яминии этот кобольд?

– Лично со мной он уже подружился, – ответил левый, беря монету. – А если он друг мне – наверное, он друг и Яминии.

– Логично, – согласился правый, тоже беря монету. – Проходи, друг Яминии.

Рассыпавшись в благодарностях, кобольд прошел. Спросил еще у стражников, как добраться до дворца короля, и те велели просто идти по самой большой улице, никуда не сворачивая.

Внутри Хасма впечатляла даже сильнее, чем снаружи. Потолок не так высоко, как в Сур-куре, зато через каждую сотню шагов солнцешары. Здесь их гораздо больше, чем в родном Кобольдаланде. Там их используют только в оранжереях и подземных садах, а здесь... кажется, здесь их вешают просто так, для освещения.

Неужели цверги настолько плохо видят?

Еще повсюду были конструкты. Уж кто-кто, а цверги Яминии знают в них толк. Эти искусственные существа исполняли в Хасме черную работу – трудились там, где живые не могут или не хотят. Иногда попадались двуногие, похожие на ходячие статуи, но чаще – многоногие и летучие, приспособленные только для чего-то своего. Мелкие конструкты подметали

улицы, чистили стены, разносили почту, ловили крыс. Крупные – рыли землю, таскали тяжелые грузы, возили цвергов.

Как Фырдуз и надеялся, в столице нашелся храм Гушима. Как и положено, располагался он ниже мостовой, не имел окон, освещался предельно скупой и не был ничем украшен. Жадному Богу не милы пустые украшения – ценности нужно не выпячивать, а хранить в надежно запертых сундуках. А еще лучше – пускать в дело, заставляя деньги приносить новые деньги.

Как Фырдуз и обещал себе, он принес жертву за своего друга индрика. Попросил Владыку Щедрости помочь ему найти жену и породить множество маленьких индричат. Пусть станет в недрах побольше этих добрых зверей.

На алтарь Фырдуз положил один из похищенных у дракона самоцветов. Крупный огненный опал. Жадный Бог принимает в жертву любые ценности, но предпочитает драгоценные камни и благородные металлы.

– Хороший камень, – одобрительно молвил жрец, разглядывая приношение в налобную лупу. – Четыре с половиной большие песчинки, если я что-то в этом понимаю. Владыка Щедрости будет доволен.

Возможно, Гушим и впрямь остался доволен своим преданным почитателем. Однако помочь Фырдузу попасть на прием к королю он не пожелал. Стражники даже не стали его слушать, а едва кобольд намекнул насчет взятки – потянули из-за спин топоры.

Весь день Фырдуз неприкаянным болтался по улицам. Бродил по большой площади, сиживал в харчевнях, отъедаясь за все дни путешествия и опорожня все новые кружки фнухха. Слушал болтовню выпивох и сам их расспрашивал.

Довольно скоро он узнал, что попасть сейчас во дворец неизвестному чужаку, да еще и нецвергу – почти невыполнимо. В прежние вот времена добрый король Тсаригетхорн был и впрямь добрым королем. Каждый день ворота дворца распахивались во всю ширь, его величество выезжал на огромном троне-конструкте и был со своим народом. Выслушивал их беды и чаяния, вершил мудрый суд, утешал обиженных, награждал достойных и наказывал преступных.

Но в последний раз такое было годы и годы назад. Сейчас, увы, правитель Яминии слишком стар. Ему триста девяносто лет – даже для цверга это самый закат. Он так дряхл и слаб, что не может и ложки самостоятельно донести до рта.

На деле городом и всей страной сейчас правит уже не король, а два его сына. Только не очень-то лестно о них отзывались в харчевнях. Говорили, что старший – дурак, лодырь и обжора, ничего не умеющий и ничем не занимающийся. Младший не так глуп и ленив, зато напыщенный самодовольный хам. Он занимает должность большого воеводы Яминии и руководит всей ее военной силой, но делает это так, что хуже и не придумать. Вокруг него только льстецы и лизоблюды, а все толковые воеводы в опале.

Что к старшему принцу, что к младшему так просто тоже не попасть. Слишком важные минералы – сидят глубоко, с кем попало не знаются. Фырдуз битые сутки мыкался, да так и не вызнал способа с ними встретиться.

Спал он в ночлежке для нецвергов. Других кобольдов Фырдуз там не встретил, зато уж гномов, вардов, гоблинов и теканов хватало. Были и хобии – утверждали, что из Усэта, но поди их разбери на самом деле.

Рыльца у них у всех одинаковые.

Повстречал Фырдуз и парочку Верхних. Купцов, приехавших торговать знаменитое на весь мир яминское оружие. Зачарованные клинки и субтермагические жажатели. Они-то и подсказали Фырдузу поискать встречи с воеводой Брастомгрудом – мол, во всей этой клике он единственный толковый цверг. Остальные сплошь чванные бестолочи.

Наутро, когда уличные солнцешары разгорелись в полную силу, Фырдуз отправился к вышеуказанному воеводе. Тот квартировал не то чтобы на окраине, но и не в центре.

Вначале Фырдуз ахнул, увидев палаты, адрес которых ему назвали. Голова сама собой задралась кверху при виде этих колонн и горгулий. Но потом он узнал, что это не собственный дворец Брастомгруда, а Военный Двор – казарма королевской гвардии. В былые времена она и Брастомгруд, ее воевода, были славой и гордостью всей Яминии, но с тех пор, как король одряхлел, их оттеснили на обочину.

Сейчас в королевских чертогах караул несут гвардейцы принцев. Как и их хозяева, они постоянно ссорятся, не зная ни в чем лада. А элитную сотню Брастомгруда превратили фактически в городскую стражу – они в основном ловят ворье и следят за нормальной работой водопровода.

Возможно, именно поэтому их начальник не был так горд, как другие воеводы. Посетители к нему шли валом. В приемной негде было киркой взмахнуть – десятки цвергов сидели и стояли на всяком свободном пятачке. И не молча – они оглушительно кричали друг на друга, яро сражаясь за места в очереди. Казалось, что дело вот-вот перерастет в драку.

Иногда появлялся кто-то из гвардейцев или важных булыжников. Эти шли без очереди, раздвигая простой люд, как индрик раздвигал мягкую землю. А поскольку видеть Брастомгруда желали многие, прождать кобольду пришлось очень долго.

Но в конце концов его допустили в просторный, но заваленный пергаментами кабинет. Брастомгруд, толстый пожилой цверг с бородой до пола, курил трубку – и зелье в ней воняло так мерзко, что Фырдуз едва не закашлялся.

– Гм?... – нахмурился Брастомгруд, увидев посетителя. – Кобольд?... Лет десять не видал кобольдов. Что надо?

– Не считите за неуважение, ваше высокопревосходительство... – поклонился Фырдуз.

– Просто превосходительство, – поправил цверг. – Высокопревосходительство – это большой воевода, а я просто воевода. И не мямли, просто говори, что нужно. Дел по горло.

– Послание у меня, ваше превосходительство, – снова поклонился Фырдуз. – Лично королю.

– Можешь отдать мне, – мотнул бородой Брастомгруд. – Я передам.

– Никак не могу, ваше превосходительство. Обещание дал, что лично королю в руки. Больше никому.

– Не до того сейчас королю, – устало посмотрел на кобольда Брастомгруд. – Болеет он. Я сейчас всеми прошениями занимаюсь.

– Это не прошение, ваше превосходительство, а донесение. Очень важное. С меня взяли обещание, что оно попадет королю лично в руки – и больше никому.

– Не морозь мне мозги! – начал злиться воевода. – Что там у тебя может быть такого важного?! От кого донесение?

– От покойного Тревдохрада Окручи... гетхсторца... – не без труда припомнил фамилию Фырдуз. – Сына... сына... как же...

– ...Сына Брастомгруда... – мертвым голосом закончил Брастомгруд. – Покойного?... Ты... ты сказал «покойного»?..

– Ва... ваше превосходительство... – так и сел Фырдуз.

Он совершенно забыл имя отца Тревдохрада. Тот называл его всего пару раз, а у цвергов назвища такие длинные, такие зубодробительные...

Фырдуз фамилию-то его еле-еле выучил.

Брастомгруд встал из-за стола, опрокинул трубку и постучал чашей о край. Подойдя к двери, он крикнул, что на сегодня прием закончен, запер ее и повернулся к Фырдузу.

– Рассказывай, – потребовал он. – Говори, что стало с моим сыном.

Фырдуз сжался в комочек. Взгляд у воеводы был недобрый, и тон стал тоже недобрый. А в бороде как будто прибавилось седых волос.

И однако бумагу кобольд по-прежнему не отдал. Тревдохрад взял с него слово, что он передаст ее лично королю в руки.

Но как не поведать отцу о судьбе сына? Фырдуз не отдал бумагу, но все передал на словах. О том, как они вместе бежали с каторги, как Тревдохрад умер от хобийской стрелы, как его похоронили в стенах дома Мошки и как Фырдуз долго-долго добирался до Яминии.

Рассказал он и о том, что видел сам. О хобиях, собравших страшной силы войско. О их мифриловых рудниках. И о кошмарных йоркзериях, с которыми те заключили союз.

Услышав о йоркзериях, Брастомгруд впервые усомнился. Он взял с полки какую-то книгу, полистал и сказал:

– Йоркзерии вымерли еще до Мирового Катаклизма. Не города крепость из песка, кобольд.

– Я тоже так думал... хотя я даже и не знал, что они вообще когда-то были. Я думал, что это просто страшные сказки для маленьких кобольдят. Но я их видел, ваше превосходительство. Видел своими глазами. У них огромное войско, они стакнулись с хобиями... и они совсем близко. До них лопатой копнуть, ваше превосходительство.

– И как ты это докажешь? – прищурился воевода.

– Никак. Я не могу этого доказать. И не собираюсь доказывать. Просто если вы мне не поверите, ваша страна погибнет. Рискнете?

Брастомгруд шарахнул кулачищем по столу, и Фырдуз вздрогнул. Кустистые брови воеводы сошлись на переносице, он гневно поджал губы.

Однако в его взгляде промелькнуло и уважение.

– Теперь верю, – угрюмо сказал он. – Я сомневался, что кто-то из твоего народца мог спасти из плена моего сына. Но вижу, хребет у тебя есть.

– У Тревдохрада он тоже был, – рискнул сказать Фырдуз.

– Конечно, он же из Оркручигетхсторцов, – гордо выпятил бороду воевода. – Наш род иных не производит. Но Тревдохрад слишком рано ушел. Ему было всего сто двадцать, он даже не успел оставить сыновей. Кроты заплатят мне за его гибель.

Брастомгруд отпер шкаф и достал большую темную бутылку. Наполнив два кубка густым, почти черным вином, он залпом опорожнил один и протянул Фырдузу второй.

– Выпей, – сказал он. – За упокой моего сына. Пусть будут к нему добры Седой Мертвец и Старшина.

Кобольд осторожно пригубил. Брастомгруд же налил себе еще и стал пить уже медленнее.

Вино оказалось крепким до невозможности. Цверги покупают его у Верхних, но потом еще и сами с ним что-то мутят, превращая обычный напиток в то, что могут пить только цверги. Фырдуз пропустил сквозь сжатые губы всего пару глотков и почувствовал, как в голове начинает шуметь.

– Возможно, насчет йоркзериев ты и в самом деле не врешь, – задумчиво сказал Брастомгруд, покачивая в руке полупустой кубок. – Но нужно убедиться. Мало ли что тебе помешало в тех туннелях, тем более... ты в самом деле приехал сюда на индрике?

– Клянусь Двадцатью Шестью! – заверил Фырдуз.

– Да нет, тут-то я верю, верю... Индрики, ха... Я в юности видал одного. Редкие звери, но удивительные... Нам бы их приручить – так и конструкторов никаких не надо... Горнопроходческих, я имею в виду.

Допив вино, Брастомгруд с сожалением перевернул пустую бутылку и с интересом заглянул в кубок Фырдуза. Увидев, что тот еле почат, – не рассердился, как боялся кобольд, а вовсе даже обрадовался.

– Больше не хочешь? – уточнил цверг, забирая вино. – Давай допью, чего добру пропадать...

Допив, он заявил:

– Индрики и драконы – звери редкие, но они-то в глубинах водятся, это точно. А вот йоркзерии... йоркзерия я видел только однажды, в детстве...

– Значит, не вымерли все-таки?! – воскликнул Фырдуз.

– ...причем мертвого! – раздраженно глянул на него воевода. – В музее я его видел. Древняя мумия, нашли давным-давно в одной штольне. Высохший был, как... ну... что бывает сильно высохшее?! В общем, надо убедиться, что тебе не примерещилось. Пойдем-ка нагрянем к королевскому волшебнику – он в этих делах как раз дока. Удостоверит.

Само собой, королевский волшебник тоже был цвергом. Очень-очень старым и невероятно морщинистым, с бородой такой длины, что ее несли перед ним шесть жирных крыс.

– Меритедак, профессор Субрегуля, – надтреснутым голосом представился он Фырдузу. – Меритедак, профессор Субрегуля, – представился он и Брастомгруду.

– Мы уже знакомы, мэтр, – ответил воевода. – И виделись только позавчера.

– Правда?.. – изумился волшебник. – Не помню. Совершенно не помню. Вы ничего не путаете, ваше превосходство?

– Превосходительство, – поправил Брастомгруд. – Ничего не путаю. У меня к тебе малое дельце, мэтр.

Проталкивая волшебника животом в его покои, воевода поведал Фырдузу, что мэтру Меритедаку без малого пятьсот лет, а это внушительный возраст даже для цверга-чародея. Немудрено, что он плоховато соображает и частенько забывает, с кем разговаривал вчера.

При этом воевода даже не трудился понижать голос.

И однако именно как волшебник Меритедак по-прежнему безупречен. Король, а за ним принцы неоднократно пытались заменить его на другого мага, помоложе, но, даже одряхлевший, Меритедак держался за свою должность мертвой хваткой. Всякого претендента на его место старик вызывал на колдовское состязание – и размазывал в лепешку.

В народе Меритедака прозвали Повелителем Крыс. Питомец института Субрегуль, он умел говорить с любыми животными, растениями, грибами и даже неодушевленными предметами, но больше всего любил грызунов. Половина крыс Хасмы служила профессору Меритедаку.

Прямо сейчас из каждой щели, из каждого темного угла таращились алые глаза-бусинки. Повсюду валялись сухие корки и обгрызенные деревяшки. Крысы всегда сопровождали волшебника свитой, доносили обо всем творящемся в городе и выполняли его приказы.

Кажется, Фырдуза Меритедак тоже принял за какую-то разновидность крысы. Он улыбнулся ему и слегка потянул за усы.

Кобольд раньше не обращал внимания, но те и в самом деле были точь-в-точь крысиные.

– Какой ты забавный зверек, – дружелюбно сказал Меритедак. – Как тебя зовут?

– Фырдуз, ваша мудрость, – робко ответил кобольд.

Он еще никогда не встречался с живым волшебником.

– Хорошее имя, тебе подходит. Чем я могу помочь, ваше превосходство?

– Мне нужно заглянуть в его память, – ответил Брастомгруд. – Узнать, что он видел в последние дни. Ты ведь это можешь?

– Конечно, могу, конечно... Ничего сложного... – забормотал Меритедак. – Пойдемте... шу!.. шу!.. дайте дорогу, пушистики!

Крыс в следующей комнате оказалось еще больше. Они расступались перед Меритедаком, как вода перед лодкой. Волшебник провел Брастомгруда и Фырдуза к странному предмету, похожему на костяное кресло, предложил кобольду присесть и захопотал вокруг, рассаживая по его спине и плечам крыс.

- Не пугайтесь... не пугайтесь... – приговаривал он.
- Да я не боюсь, ваша мудрость, – заверил Фырдуз.
- Я не тебе, а им, – проворчал Меритедак, глядя своих крыс.

Те облепили кобольда живым кафтаном, щекоча лапками и оглушительно пища. Меритедак принялся их поглаживать и бормотать, а Фырдуз вдруг почувствовал в голове... что-то... он не мог это толком описать. Там как будто дул холодный ветер. Не внутри черепа, а как бы в мыслях.

Через несколько минут Меритедак остановился. Крысы стремительно перебежали с Фырдуза на него, скрылись в бесконечной седой бороде, исчезли в складках пышных одежд. Меритедак закатил глаза, пошевелил губами и произнес:

– Мне понадобится несколько дней, чтобы изучить все воспоминания детально. Но вот я уже вижу... да... ага... хм... очень интересно!.. Вы знаете, что этот забавный зверек ездил на живом индрикe?!

– Да, об этом он мне говорил, – ответил Брастомгруд. – Меня интересует не это. Но я не буду говорить что – если он не врет, ты сам догадаешься, мэтр.

Волшебник принялся просматривать то, что извлек из памяти Фырдуза. Он изумленно поведал о встрече с драконом и его сокровищнице – но это Брастомгруда не заинтересовало. Кажется, он был редким случаем цверга, более или менее равнодушного к золоту.

Но потом Меритедак увидел... то самое. Его глаза округлились, а из бороды посыпались крысы. Схватив Брастомгруда за руку, старец исступленно залепетал, что все правда, что прямо под Яминией целая тайная страна йоркзериев.

Воевода сразу как-то осунулся. Это ударило его как бы не сильнее, чем известие о кончине сына. Он минутку помолчал, подумал, а потом велел:

– Подробно рассмотри все, что он видел, и запиши. Это очень важно. А ты, кобольд... ты пойдешь со мной. Я представлю тебя королю.

Глава 2

Танзен сидел в задних рядах и крутил в пальцах святокуб. Ктототамец, как и большинство волшебников, он использовал этот счетчик молитв не по прямому назначению, а в качестве головоломки. Правильно собрать святокуб – неплохое упражнение на логику.

Танзену было скучно. По долгу службы он обязан был присутствовать на этой лекции, но слушать ее даже не пытался. Лектор, занудный старый пердун, бубнил так монотонно, что глаза сами слипались. Студенты сидели сомнамбулами, машинально царапали перьями в тетрадах.

Более или менее зал оживился, только когда началась переключка. Одного за другим лектор поднимал студентов, скрупулезно отмечал в журнале. Когда оклик сопровождало молчание – с каким-то нездоровым злорадством писал «отсутствует».

– Мессир Остобжи... – вяло произносил он. – Мессир Пафчек... Медам Пордалли... Медам Ску...

Закончив список, он еще раз пробежался по нему глазами и унылым голосом сказал:

– Так... А кто у нас отсутствовал вчера?.. Так... Мессир Лоске и Пафчек, а также медам Язь-Миаглекх, отчего вы отсутствовали на вчерашнем семинаре?

– Мы сражались с демоном! – ответила Язь-Миаглекх – высокая чернокожая студентка.

– Это не является уважительной причиной, – сухо сказал лектор. – Для сражений с демонами существуют специально отведенные места, которые вы должны посещать в специально отведенное для этого время. Пропускать ради этого мои семинары вам никто не позволял. Я ставлю всем троим на вид и, если подобное повторится, буду вынужден подать рапорт.

Студенты понурились, жалобно глядя на своего профессора. Но мэтр Стедмух – не из тех, кого можно разжалобить. Он сделал отметки напротив всех трех фамилий и строго сказал:

– У вас последний год бакалавриата. Я бы на вашем месте относился к этому предельно ответственно. Помните, что десятеро лучших выпускников станут практикантами лауреатов премии Бриара – это великая честь. Все вы трое имеете реальные шансы войти в эту десятку.

– А если мы не хотим идти на практику? – дерзко бросил Пафчек.

– Вы собираетесь до конца жизни остаться бакалаврами?.. Что ж, ваше право.

Танзен в последний раз повернул святокуб и поднялся со скамьи. Он так и не услышал ничего интересного. Поступил сигнал, что Хохотль Стедмух ведет на своих лекциях крамольные речи, призывает не подчиняться ученому совету и вообще скрытый агент Зла. Это изначально звучало бредово, но Кустодиан обязан на такие сигналы реагировать.

Но это очевидный навет. Стедмух?.. Нет, кто угодно, только не этот чопорный старикан. Скорее океан пересохнет, чем он поддастся в вольнодумцы. Его выводит из себя малейшее отступление от циркуляров.

А уж представить его слугой Бельзедора...

Теперь Танзен проводил дни вот так. Читал письма студентов, отработывал слухи и доносы. Иногда за ними что-то стояло.

Чаще нет.

Но пока что самым крупным его делом оставался арест Архида Роко. Тот и в самом деле оказался взяточником и теперь ожидает суда. Поскольку он не кто-нибудь, а профессор, дело будет разбираться на очередной сессии ученого совета.

Впрочем, результат уже ясен. Почтенный член комиссии получит Тюремный Венец и загремит в Карцерику. Вопрос лишь в том, на какой срок.

Выходя из аудитории, Танзен встретился взглядом со Стедмухом. Тот поджал губы и чуть заметно поклонился.

Странно. Не тот он человек, чтобы кланяться студенту – а Танзен сейчас именно в личине студента. Не сам превратился, понятно, – чакры по-прежнему не работают. Взял казенный амулет-перевертыш.

Это очень хороший амулет. У Кустодиана все по первому разряду. Его ведь используют именно для того, чтобы маскироваться среди других волшебников – так что по идее Стедмух не мог его расшифровать.

По идее. На практике же... он все-таки профессор. Профессора – это высшая ступень посвящения, их превосходят только лауреаты премии Бриара (которые, впрочем, тоже профессора). Не исключено, что Стедмух таки заметил, что один из его студентов на самом деле – одышливый толстяк шестидесяти пяти лет.

К тому же Танзена, естественно, не было в списке. Его не поднимали во время переключки. Само по себе это ничего не значит – любую лекцию может посетить любой желающий. Но на лекциях Стедмуха обычно вольных слушателей не бывает, а если кто и забредет случайно – уходит уже через несколько минут.

Пожалуй, не стоит пока закрывать это дело. Стоит понаблюдать еще немного – просто для очистки совести.

Мэтресс Ишан просила Танзена зайти сегодня еще и в ассоциацию волшебных игр. Какой-то у них там спор вышел. Кто-то из деканов, ректоров и даже президентов разрешить его не может – ассоциация объединяет игроков со всех институтов. А созывать ради такой малости ученый совет довольно глупо.

Это действительно оказалась малость. Суший пустяк, из-за которого, однако ж, куча волшебников вцепилась друг другу в глотки. После очередного расширения рекреативной территории появилась новая спортплощадка – и сразу несколько клубов заявили на нее права.

Дело пытались уладить миром. Как-то разделить время тренировок, организовать тайм-шер. Сейчас площадка именно так и используется, тремя разными клубами по очереди... но они этим недовольны. Каждый хочет получить ее в полную собственность. Дошло даже до грязной игры – клубы стали откровенно друг другу пакостить, а дважды случались самые настоящие побоища.

Когда на площадку явился Танзен, там как раз разгоралось третье. Хотя волшебник, окинув место беглым взглядом, преисполнился к спортсменам презрением.

Ну серьезно – все из-за этого поля сорняков?

Но все действительно было именно из-за него. И все было очень серьезно. На поле сошлись четыре команды – две полетных и две скользкошарных, а кроме того – десятка полтора игроков в миражату.

И они все орали друг на друга.

Очередь пользоваться площадкой сейчас была у института Ингредиор. Их игра – Скользящий Шар. Молодые телекинетики разделяются на команды от трех до девяти человек и сражаются за идеально гладкий и скользкий шар, стараясь загнать его в кольцо противника. Шар запрещено трогать руками, ногами, головами, клюшками и вообще чем угодно, кроме силы воли. Его перехватывают друг у друга телекинезом, сами либо сидя неподвижно, либо тоже летая над площадкой.

Зачем скользкошарцам вообще площадка, Танзен не знал. Этой игре не нужна твердая поверхность. Основной ее стадион – это вообще не стадион, а бассейн. Так даже безопаснее, если игроки тоже парят в воздухе. На эту площадку ведь не наложены страховочные чары, а студенты далеко не всегда левитируют уверенно.

Но так или иначе, они ею пользовались и желали пользоваться чаще. А сегодня должен был состояться матч двух лучших команд Ингредиора.

Должен был. Он не состоялся, потому что вратарь «Черных сурков» не явился. А вратарь в Скользящем Шаре – самая важная часть команды. В отличие от остальных, он не имеет права

касаться шара – он держит кольцо. Причем не просто держит, но и двигает, стараясь не дать забить гол.

Пропавший вратарь явился, когда время уже заканчивалось. Оказалось, что его кто-то запер в раздевалке. Он в конце концов освободился, буквально разобрав дверь телекинезом, но времени это заняло порядочно.

И теперь все спорили до хрипоты. «Черные сурки» обвиняли «Рыжих обезьян», что те подло заперли их вратаря, получив таким образом техническую победу. «Рыжие обезьяны» орали, что не делали ничего подобного, что они и так сотрут «Черных сурков» в порошок и готовы это прямо сейчас доказать.

И на них всех кричали две другие команды – полетников. Игра института Бакулюмуст во многом похожа на Скользкий Шар, тоже включая мячи, кольца и полеты над площадкой. Некоторые их даже путают, что выводит из себя как тех, так и этих.

Полетники тоже явились на матч. По расписанию их очередь наступила еще несколько минут назад, и им не терпелось приступить – но скользкошарцы уходить не собирались. Их вратарь, рыжебородый детина-цверг, гневно топал ногами и требовал показать ту кишку, которая посмела его запереть.

Масла в огонь подливали миражатцы. У игры института Престижитариум команд нет, это состязания один на один. Однако места для них требуется порядочно, поэтому миражатцы тоже положили глаз на удобную площадку. Только вот время их поединков не регламентировано, поэтому они плохо вписывались в расписание.

Шумели не только игроки, но и болельщики. Скользкошарные в основном уже разошлись, но некоторые остались – и они кипели от ярости. Полетные только что явились и не успели еще накалиться – но зато их было гораздо больше.

Да и посмотреть на состязания по миражате тоже явились многие.

Танзен не стал лезть в эту бучу. Еще он не разнимал студенческие стенки. Он просто некоторое время стоял поодаль и внимательно смотрел, а потом негромко кашлянул.

– Медам и мессеры... – протянул он. – Позвольте предложить решение?

Его сначала даже не услышали – такой стоял гам. Но в конце концов собравшиеся все же обратили внимание на тучного полуседого волшебника. И слегка все же поумерили пыл.

Все игроки были студентами – школярами и студюзусами. Среди болельщиков нашлось несколько магистрантов и молодых преподавателей, но не магистров. А аура Танзена, несмотря на временную недееспособность, сразу выдавала в нем магистра.

Когда он не считал нужным ее скрывать, конечно.

– Мир вам, мэтр, – тряхнул бородой вратарь «Черных сурков». – Вы что-то хотели?

– Хотел спросить, зачем вам вообще это грязное поле, – сказал Танзен.

– В смысле?.. Как это зачем?..

– В прямом смысле. Зачем? У каждого института есть собственная игровая площадка. Правильно оборудованная именно для вашей игры. А здесь нет даже страховочных чар для игры в Полеты. Что, если кто-нибудь грохнется с палки?

Полетники угрюмо загомонили, прижимая к себе метлы, грабли, посохи, копыя, багры и другие предметы с длинной рукоятью. В этой игре не левитируют самостоятельно, как в Скользком Шаре, а парят на летательных артефактах – и очень многие игроки сами летать не умеют.

– Мы используем противоударные заклятия, – проворчал капитан одной из команд.

– Самопальные? Кто из вас их накладывает?

Руку подняла крохотная эльфиечка. Кажется, даже не студюзус, а школяр.

– Сколько вам лет, медам? – спросил Танзен.

– Двадцать один...

– Но вы же еще подросток. На каком вы курсе?

– Четвертый базовый...

Танзен покачал головой. Эльфы живут в десятки раз дольше людей, но и взрослеют медленнее. Двадцатилетний человек – это совершеннолетний, зачастую уже имеющий своих детей индивид. Двадцатилетний эльф – по сути, еще ребенок.

И всего лишь четвертый базовый курс. Всего лишь четвертый год начального обучения. Она должна быть весьма талантлива, если уже овладела противоударными чарами.

– Можно ваш артефакт? – попросил Танзен.

С ужасом глядя на него, эльфийка прижала к груди палочку и отчаянно замотала головой.

– Она не в команде, она просто накладывает чары, – произнес капитан, глядя на Танзена исподлобья. – Она умеет, мэтр, честное слово.

– Да уж, должно быть, умеет, раз до сих пор не было травм. Но это запрещено правилами, вам известно? Я могу прямо сейчас дисквалифицировать вас всех.

– За что?!

– За нарушения правил. За игру на небезопасной площадке. За использование чар, наложенных неквалифицированным волшебником. Да еще школяром.

Полетники растерянно переглянулись. Зато скользкошарцы ужасно обрадовались.

Но в следующую секунду Танзен осадил и их. Заявил, что проведение неофициальных, не согласованных с ректоратом матчей вообще недопустимо. Поэтому ассоциация волшебных игр общим решением передает это поле...

– Нам! – возопили миражатцы.

– Нет, – отрезал Танзен. – Вас здесь тоже быть не должно. Ассоциация волшебных игр передает это поле под хозяйственные нужды. Может, здесь сделают испытательный полигон, или делянку волшебных растений, или просто склад с ведрами... я не знаю. Но вас тут не будет. Никого.

Естественно, такое решение не пришлось по вкусу никому. Танзен ухитрился разозлить всех игроков до единого. Они негодовали так, словно он только что положил каждому из них на макушку по коровьей лепешке.

Но зато они перестали ссориться друг с другом. Забылась даже история с запертым в раздевалке вратарем. Танзен несколько минут равнодушно внимал льющемуся на него потоку возмущения, а потом отрубил:

– Решение принято. Расходитесь.

Закончив на этом, Танзен вернулся к проверке профессора Стедмуха. Он по-прежнему ни на дрош не верил, что тот может быть агентом Зла, но это было интереснее чтения студенческих писем.

Танзен изменил свое мнение, пока читал досье профессора. Потрясающе скучная биография. Родился в 1355 году, в 1367 поступил в Спектуцерн, в 1372 поступил на бакалавриат, в 1376 стал бакалавром Спектуцерна и сразу пошел на полевую практику, в 1379 стал лицензиатом Спектуцерна, в 1382 получил место на кафедре, в 1389 поступил на магистратуру, в 1392 стал магистром Спектуцерна, в 1402 поступил на вторую магистратуру, в Детримент, в 1405 стал магистром Детримента, в 1417 получил звание профессора Спектуцерна, в 1430 получил звание профессора Детримента. Старателен и работоспособен как никто, но талант не выдающийся, поэтому премию Бриара так и не получил. Всю жизнь проработал преподавателем, ни разу не был замешан ни в чем хоть сколько-нибудь предосудительном, почти не покидал стены Клеверного Ансамбля, никогда не злоупотреблял волшебством, да и вообще, кажется, считает прикладную магию излишним приложением к фундаментальной.

Перелистнув последнюю страницу, Танзен досадливо закатил глаза. Он только что выкинул на ветер час жизни. Если и есть в Клеверном Ансамбле волшебник, которого можно ни в чем не подозревать, так это Хохотль Стедмух.

Решив не тратить больше времени на заведомую пустышку, Танзен покинул архивную часть библиотеки. Он решил поискать лучше еще что-нибудь о чакровзрывателях. Со дня магической контузии его не оставляла мысль об этих ужасающих артефактах.

За последние дни Танзен прочел на эту тему уже немало. Вторая Волшебная война отгремела четыре с половиной тысячи лет назад, а за тридцать веков Смутной эпохи утрачено было до обидного многое, но сохранилось все же достаточно.

Излучающие артефакты, обращающие магию против хозяина. Превращающие его собственные чакры в ядовитые опухоли. Именно они уничтожили Парифатскую империю, и Танзен перелопатил настоящую гору литературы в поисках самого важного – где они находились и по какому принципу действовали.

К сожалению, именно на этот счет в библиотеке ничего не было. Если бы волшебники знали, где искать немногие уцелевшие чакровзрыватели, – так давно бы уже нашли. И уничтожили.

А принцип действия... чакровзрыватели были секретной магией даже во времена Парифатской империи. Даже тогда их тайной владели считанные единицы. Возможно, конечно, с тех пор уцелели какие-то записи, документы, чертежи... но в открытом доступе их не было точно.

В конце концов Танзен обратился к старшему библиотекаря. Человеку, столь преданному своему делу, что не оставил его и после смерти. Древнему духу, само имя которого неразрывно связано с богатейшим собранием волшебных книг – библиотекой Клеверного Ансамбля.

Покойному Инкромодоху Мазетти.

Тот ничуть не изменился с тех пор, как Танзен проходил магистратуру. Именно тогда он общался со старшим библиотекарем в последний раз. Если студиям, а тем паче школярам более чем достаточно общедоступной литературы, то магистрантам неизбежно приходится обращаться к закрытой секции. А доступ туда – только через Мазетти, префекта Кустодиана или кого-то из членов ученого совета.

– Принцип действия чакровзрывателей?... – задумчиво переспросил светящийся призрак. – Необычный запрос, мэтр Танзен. Вы уверены, что вам это нужно?

– Уверен. Я хочу знать как можно больше. И я мог бы получить разрешение у Ледяной Глыбы, но мне не хочется действовать в обход вас.

– Как мило с вашей стороны, – иронично улыбнулся Мазетти. – Что ж, у меня есть один фолиант как раз для вас. Подождите минуточку.

Полученная Танзеном книга оказалась до обидного тонка. Называлась она «Излучающий артефакт. Проект «Апофеоз». Разработки, испытания, применение».

Имени автора на обложке не было. И вообще, судя по всему, написали эту книгу давным-давно – возможно, сразу же после Второй Волшебной войны. Точно не до – в самом конце скрупулезно описывались последствия применения Апофеоза.

Автор избегал говорить о себе. Но по некоторым признакам – он принимал участие в создании чакровзрывателей. Однако раз он сумел написать эту книгу, раз уцелел в окутавшем планету жаре Апофеоза – он не был волшебником. Возможно, какой-нибудь ученый метафизик, теоретик от магии, за природной неспособностью не сумевший овладеть практикой.

Мазетти сказал, что это единственный существующий экземпляр. Самая обыкновенная книга, не гримуар, однако снимать с нее копии запрещено. Когда-то волшебники подумывали уничтожить и ее, но не поднялась рука.

Впрочем, никакой действительно опасной информации там не содержалось. Незвестный автор явно не хотел, чтобы его читатели сумели сами создать чакровзрыватель. Даже общий принцип действия излагался туманно, полунамеками.

Однако даже полунамеков хватило, чтобы книгу заперли на замок. Как говорят в Мистории – «усадили пса на обложку».

А под обложку было вшито еще и послесловие, написанное кем-то из современных волшебников. В нем говорилось, что чакровзрыватели – запретная магия. Самая запретная из всех существующих. Гриф абсолютной секретности – ею нельзя даже интересоваться. Самая робкая попытка создать новый чакровзрыватель или запустить один из уцелевших – пожизненная Карцерики.

Дочитав до конца, Танзен крепко задумался. Эта древняя брошюра совершенно точно не могла научить создать чакровзрыватель. Однако дать стартовый толчок могла. В ней все же содержалось чуть больше сведений, чем в общедоступной литературе. Так что всякий, кто интересовался этой темой, обязан был...

– Мэтр Мазетти, у меня к вам еще просьба, – сказал он, возвращая книгу. – Вы можете сказать, кто в последнее время еще ее брал?

– Надо свериться с картотекой... – задумчиво произнес библиотекарь. – Так... угу... все, сверился. Не самая популярная книга. За последние сто лет она выдавалась только дважды.

– Когда и кому?

– В день Бирюзового Волка тысяча четыреста семьдесят шестого года ее брал Трогохо Инквивари, магистрант Темпестадора. В день Деревянного Тигра тысяча пятьсот пятнадцатого года ее брал Ордмунд Альяделли, не волшебник.

Вот теперь Танзен особенно оживился. Магистрант Инквивари не вызвал у него интереса – все-таки сорок лет прошло. Скорее всего, он просто искал что-то для диссертации, и вряд ли теперь это имеет значение.

А вот Альяделли – дело иное. Всего два года назад. Причем не волшебник. Даже волшебнику непросто попасть в закрытую часть библиотеки, а уж обывателю...

Но судя по фамилии...

– Кто выдал ему допуск? – спросил Танзен для очистки совести.

– У него было подписанное разрешение от Ахуты Альяделли.

Естественно. Альяделли – одна из самых старых и могущественных волшебных семей. И самая известная ее представительница – Ахута Альяделли, ректор Субрегуля. Скорее всего, этот Ордмунд Альяделли – ее родственник. В Клеверном Ансамбле очень жесткие требования, поэтому даже в старых волшебных семьях далеко не всем удается сдать вступительные экзамены.

К тому же хватает и таких, кто даже не пытается. Учиться пять лет на базовом курсе, а потом четыре года на бакалавриате и три – на полевой практике?.. Зачем, если ты родился окруженным волшебством и уже прямо сейчас живешь припеваючи? Многие вполне сознательно остаются бездельниками, приживалами при великих родственниках.

Положительно, надо навестить этого Альяделли. Выяснить, кем он приходится ректору Субрегуля, как получил допуск в закрытую секцию и зачем брал запрещенную книгу.

Интуиция подсказывала Танзену, что он наткнулся на реальный след.

– Благодарю, мэтр Мазетти, – поклонился он. – Вы мне очень помогли.

Глава 3

На огне булькал кожаный котелок. Там варилась бледная мучная похлебка с парой луковиц и ломтем вяленого мяса.

Сегодня брата Массено ожидало настоящее пиршество.

В обычное время он питался только хлебом и водой, изредка позволяя себе немного молока. Но сегодня день Фарфорового Тигра. Все Фарфоровые дни посвящены Люгербецу, а он бог еды и вина. Больше всего Люгербец любит, когда его паства сытно и вкусно ест. Даже жертвы он принимает исключительно пищей и напитками, причем возлагать и возливать их нужно не на алтарь – какой глупый расход продуктов! – а в собственный же рот.

Это Люгербеца очень радует.

Поэтому по Фарфоровым дням (кроме Фарфорового Медведя) даже монахи-аскеты отрешаются от постов и вкушают нечто более сытное.

К тому же Массено был не один. Его сопровождал Идущий Сквозь Время. Он шагал по пустыне отрешенно, почти не раскрывал рта, не делал ни единого лишнего движения и ел еще меньше Массено... но все же ел. Сейчас они сидели напротив костра, прихлебывали мучнистое варево из чашек и тихо размышляли о высоком.

Массено был рад обществу другого монаха. Пусть это служитель не Солары, а Херема – им все равно есть о чем помолчать.

Массено не знал, о чем именно молчит Идущий. Он не спрашивал даже его имени, чтобы не отнять у подвижника ни единой лишней секунды. Массено и самому хватало мыслей. Несколько часов прошагав по барханам, он стал сомневаться, было ли принятое решение мудрым. К чему он ищет эту древнюю башню, какие следы надеется найти там спустя шесть столетий?

Охваченный сомнениями, он обратился к привычному средству – раскрыл в случайном месте Ктаву. Святая книга даровала ему такое откровение:

«Человек есть разумный индивид, чья деятельность осознанна и целенаправленна. Тело человечье воистину хорошо, ибо сконструировано богами, но не совершенно, ибо только боги совершенны, да и то не всегда. Иные разумные индивиды также ведут осознанную и целенаправленную деятельность, и тела их также хороши, но также несовершенны. В иных отношениях человек превосходит других разумных индивидов, а в иных – уступает, и это хорошо, ибо есть много различных вариантов, и каждый хорош. Такова воля богов».

Дыхание Песни, четвертый раздел, одна из самых последних страниц. Иные богословы и толкователи дерзко считают, что ко времени их написания Сакор Дзидоша стал уже слишком стар и мысли его порой путались.

Массено не разделял их мнения, но сейчас не отказался бы от более ясного указания. Хотя и на том спасибо Ктаве, что напомнила азбучную истину: человек разумен и вполне осознает, что делает. Массено следует укрепиться в избранном раз пути и продолжать его, пока не станет очевидно, что он забрел не туда.

Опорожнив котелок, Массено выжал его, вытер насухо и убрал в один из внутренних карманов рясы. Туда же он убрал и чашку. Даже нищенствующему монаху приходится иметь кое-какой скарб, если он вечно в странствиях.

– Пойдем, брат? – обратился он к Идущему.

– Следуй за мной, нунций, – произнес тот, едва размыкая губы.

На самом деле не так уж и нужен был Массено сопровождающий. Да, без Идущего он искал бы дольше, но все равно бы нашел. Восемнадцать вспашек на север – указание достаточно ясное, а обладателю Солнечного Зрения сложно заблудиться на открытой местности.

Подняв точку зрения в заоблачную высь, Массено видел пустыню во всем ее великолепии, разглядывал просторы Херемии, словно удивительной подробности карту, божественный чертеж.

А башня волшебника – не кроличья норка. Она заметна издали, особенно посреди пустыни. Массено уже сейчас прекрасно знал, где ее искать, но из учтивости не подавал виду. Не следует отвергать помощь ближнего своего, если тот искренно желает ее оказать.

К тому же несмотря на предельную свою немногословность, Идущий все же поделился полезными сведениями. Он родился, принял обеты и пришел в город Мухзаза уже позже рождения Токхабаяжа-Антикатисто, но до того, как тот навек оставил эти места, отправившись уничтожать Мистерию. Идущий несколько раз видел его в городе и видел, как тот выстроил свою башню. Не глазами, конечно, а тем внутренним зрением, что обретают Идущие Сквозь Время.

Еще он сказал, что за минувшие шесть веков к башне Антикатисто наведывались не раз. Особенно в самом начале, сразу после его гибели. В те времена ее валом осаждали агенты Кустодиана, исследователи и искатели сокровищ.

Потом вал стих. Индивиды продолжали приходить, но все реже и реже. Пока Мухзаза была крупным городом, а имя Антикатисто было на слуху, местные еще водили туда любопытных, но потом желающие поглазеть на древние руины окончательно иссякли.

В последний раз к башне Антикатисто ходил какой-то волшебник и пятеро его слуг – семнадцать лет назад. Слишком давно, чтобы считать их причастными к нынешним событиям. Однако Идущий сказал, что назад они не вернулись – либо покинули башню иным путем, либо так там и остались.

Массено постепенно опускал точку зрения. Башня Антикатисто подступала все ближе. Древнее полуразрушенное строение, похожее больше на груду камней. Века не щадят даже жилища волшебников.

Тем не менее кое-что уцелело. Видно было, что это все-таки не просто груда камней. Лишенные стекол окна частично обвалились, на месте двери зиял провал, первый этаж наполовину занесло песком, а третий обрушился совсем, но стены ниже еще стояли, да и второй этаж сохранился неплохо.

Идущий Сквозь Время вряд ли еще чем мог помочь Массено. Он молча уселся прямо на песок, сделал несколько глубоких вдохов и снова стал погружаться в священное оцепенение своего ордена.

Возможно, здесь он просидит следующие шесть столетий.

Массено же вошел внутрь. Не без труда взобрался по крутому склону и задумчиво коснулся Ктавы.

На первом этаже не было ничего, кроме песка. Массено едва не задевал головой потолок – так высоко поднялся пол. Но ни мебели, ни каких-то вещей.

Разве что на стенах... Массено заметил на них надпись. Всего несколько слов – полустертые, но еще читаемые. Явно куда новее самой башни – возможно, оставленные кем-то из посетителей.

Смысла в них было немного. Размашистым почерком стену украшали две фразы:

«Я ЗДЕСЬ, Я ДОБРАЛСЯ! ПОЛДЕЛА СДЕЛАНО, ПОЛДЕЛА ОСТАЛОСЬ!»

Массено это ни о чем не говорило. Еще раз изучив скудную обстановку, он поднял точку зрения выше. Та воспарила над перекрытием, Массено увидел второй этаж... и вот он оказался гораздо интереснее!

Похоже, еще относительно недавно здесь кто-то жил. На полу ни песчинки – только слой пыли, но не очень-то и толстый. Стены тоже исписаны – причем гораздо плотнее и мелким почерком. Есть заваленная ветхими тряпками лежанка и запертый на засов сундук.

И это еще не все. Старые вещи, надписи – в них нет ничего такого. В брошенной башне мог поселиться какой-нибудь пустынный, ушедший от мира анахорет. Оных много на свете,

и следует относиться с уважением к их пути. Массено сам во многом таков – разве что не бежит людского общества.

Но анахореты ведут жизнь тихую и светлую. Здесь же... здесь стены были не только исписаны, но и вымазаны кровью. Кровью же было изображено нечто вроде арки, полукруглого проема, украшенного загадочными символами.

А на полу валялись кости. Множество пыльных человеческих костей.

Массено даже не требовалось подниматься на второй этаж физически. Он прекрасно все видел и так. Но его внимание привлек лежащий среди костей череп. Расколотый надвое и опрокинутый лицом вниз. Кажется, человеческий... но возможен и эльфийский, и оркский, и цвергский. Массено решил рассмотреть его поближе.

Поднимаясь по узкой каменной лестнице, он одновременно читал надписи на стенах. Судя по ним, обитавший здесь был волшебником, но полубезумным.

Причем приставку «полу-» Массено добавил только из вежливости.

Не Антикати́сто, конечно. Тот самый чародей, что явился сюда семнадцать лет назад. Большая часть его записей представляла собой бессвязный поток сознания, но и этого хватало, чтобы понять его цели. Он всю жизнь бредил Антикати́сто, шел по его стопам, разгадывал его тайны – и в конце концов разгадал!

Об этом он хвастливейшим манером возвещал все на тех же стенах. Кажется, ему требовалось как-то излить в пространство свои мысли, а просто выкриков в пустоту не хватало. Он хотел запечатлеть свои достижения накрепко – и запечатлевал как попало.

Нашел, раскрыл, разгадал! – горделиво возвещали записи. Никто не смог, а я смог, смог, смог! Я, я, я, я!..

Своего имени он, правда, нигде не написал.

В поле зрения Массено появился он сам, шагнувший из дверного проема. Когда-то это ужасно странно смотрелось – видеть пустую комнату, а потом себя, в нее входящего. Но со временем слепец привык и теперь уже плохо помнил, как было иначе.

Он провел свое тело к центру и поднял заинтересовавший череп. Обычный человеческий, как и думал. Ничего особенного.

Хотя... а почему у него такая странная грушевидная апертура? Она уже не совсем и грушевидная – скорее яблоковидная. Такой формы отверстия у кориллангов, троллей и некоторых других существ с очень широкими носами... но их черепа и в остальном сильно отличаются. Этот же, если не считать апертуры, совершенно человеческий.

Может, это просто дырка?

Так и не найдя ответа, Массено осторожно положил череп на место. Он продолжал читать надписи на стенах – и те постепенно подходили к чему-то важному. Незнакомый волшебник бурно восторгался Антикати́сто и его достижениями, рассказывал о том, как разыскал его башню, как несколько лет жил здесь, ведя уже собственные исследования.

Он знал, что дом Антикати́сто обыскивали много раз, знал, что все сколько-нибудь ценное отсюда забрали давным-давно – но еще он знал, что ничего по-настоящему ценного так и не нашли. Он верил, что у Антикати́сто где-то был тайник, неустанно искал его... и в конце концов нашел.

Взор Массено остановился на нарисованной кровью арке. Возле нее записи обрывались. Только еще пара кратких фраз на свободных местах, но они звучали просто восторженными повизгиваниями. Массено так и видел этого трясущегося в экстазе волшебника, разгадавшего то, чего не сумел разгадать никто...

Монах сделал шаг к рисунку. Тот не был пыльным. На всем остальном в комнате лежал толстый слой пыли, но только не на кровавой арке. Массено сделал еще шаг. Еще...

...И из арки что-то выпрыгнуло!

Оно метило монаху прямо в горло. Но солнцегляды в таких случаях реагируют инстинктивно, мгновенно срывая повязки с глаз. Массено сорвал ее едва ли не раньше, чем тварь появилась из арки – и в нее ударила волна света!

Тварь не осыпалась пеплом, как нежить. Тела мертвецов сами внутри как пепел – и Солнце лишь дарует им упокоение. Но это существо только покрылось ожогами, точно его обварили кипятком. С визгом и воплями оно забилось, заметалось по комнате – и нигде не могло скрыться от взгляда Озаряющего Мрак.

Агония продлилась недолго. Дымящийся, похожий на вареную обезьяну труп скрючился в углу. Массено вернул повязку на глаза и осторожно подошел ближе.

Он знал множество созданий ночи. Несть им числа. Но таких раньше не встречал.

Сейчас оно выглядит неказисто, но... но в общем мало отличается от мертвого человека. Только черты лица искажены, а кожа и до встречи с даром Солары была словно сваренная.

И нос. Вот у кого такая яблоковидная апертура.

Массено снова обратился к кровавой арке. Не убирая руки с повязки, медленно подошел к ней и еще медленнее – коснулся.

Рука прошла прямо в стену. Монах не стал задерживаться в такой позе – неизвестно, кто сидит с другой стороны. Он тут же сделал еще шаг и оказался... где-то.

Здесь было гораздо просторнее. Уже не комната в башне, а огромный зал. Размером с великий собор Солары в Грандтауне, только вместо пола, стен и потолка клубится черный туман. Точка зрения Массено заметалась, словно не в силах сообразить, где верх, а где низ, – и у монаха закружилась голова.

По счастью, длилось это всего пару секунд. Иначе не быть бы Массено живу – в этом богопротивном месте оказалось еще три точно таких же твари. Увидав человека, они пошли на него – покачиваясь, почти опираясь на руки, как обезьяны.

О Солнце, как же кошунственно они выглядели! Сердце при виде этого ужаса невольно начинало биться быстрее. При том что Массено навидался куда более страхолюдных созданий, те были именно... страхолюдными. Гротескными, обезображенными, зловещими. А эти... они почти и не отличались от людей, но сразу приходило понимание, что это нечто в корне чуждое миру живых, миру человека.

И Массено без раздумий снова снял повязку.

Пустые глазницы запылали, как два солнца. Слепой монах жег божественным светом, пока не спалил всех. Нечисть не могла даже подступиться, приблизиться к страшнейшему своему врагу – вдохновленному богиней Озаряющему Мрак.

Когда Массено истребил всех, то смог спокойно рассмотреть найденный зал. Тайную комнату, хранящую тайны Антикатиство. Что бы ни обратило когда-то волшебника Токхабаяжа в элементалю Тьмы – произошло это явно здесь.

По периметру стояли тусклые черные обелиски. В их глубинах еще мерцали багровые огоньки, но видно было – силу эта магия давно утратила.

Были еще фиолетовые, висящие в воздухе кристаллы. И растущие из черного тумана диковинные лозы с огромными цветами-чашами. И струящиеся вокруг серебристые тени, похожие на очень слабых, видных только в Солнечном Зрении духов.

И алтарь. В самом центре залы стоял залитый кровью алтарь, на котором лежали несколько предметов. Рядом в неестественной позе скорчился скелет – на сей раз несомненно человеческий, с правильной носовой апертурой.

Кости были обглоданы дочиста.

Нетрудно догадаться, что здесь произошло. Идущий Сквозь Время говорил, что к башне приходил волшебник с пятью слугами. То есть всего их было шестеро.

Массено нашел два скелета и уничтожил четырех тварей.

Ему уже доводилось разгребать подобное. Многие волшебники чересчур неосторожны и самоуверенны. Считают, что власть над магией дает им власть над всем сущим, – и не замечают пределов, проложенных вышней силой. На удивление многие из них принимают смерть от тех, кого сами призывают или создают.

И далеко не всегда эти создания потом тоже погибают или убираются восвояси. Многие остаются и чинят вред уже ни в чем не повинным обывателям. Не раз и не два Массено приходилось предавать солнцу эти последствия богопротивного колдовства.

Но вот зачем волшебник обернул в подобную мерзость собственных же слуг? Массено обратил внимание, что сваренные в лучах Солары твари медленно разваливаются, рассыпаются углем, а затем и пеплом.

Значит, все-таки нежить. Только какого-то неизвестного рода. От демонов и близких им созданий остается все же поболее, да и разлагаются они иным образом.

Орден Солнца изучил и каталогизировал почти всю нежить, водящуюся на Парифате. И разделил ее на четыре типа в соответствии с принципом питания.

Первый тип – нежить постыющаяся. Личи, зомби, ревенанты, ходячие скелеты и некоторые другие твари, которые не едят вообще. Пищу им заменяет волшебство – собственное или поднявшего их некроманта. Если подобный мертвяк остается без хозяина, то обычно не причиняет никому вреда – просто стоит на одном месте или бестолково бродит, пока не иссякнет оживляющая его сила.

Второй тип – нежить всеядная. Эйнхерии, драуги, хрумги-рактуули, младенища и некоторые другие твари, способные есть то же, что едят живые. Эти, как правило, наиболее разумны, а некоторые даже благи. Далеко не все, конечно, – Массено до сих пор не мог забыть драуга, с которым целую ночь сражался в одном древнем кургане. То было воистину могучее чудовище.

Третий тип – кровопийцы. Вампиры, вурдалаки, стриги, морои и другие кровососущие. Кровь сама по себе им не особенно и нужна – они поглощают жизненную силу, в избытке в ней содержащуюся. Этой краденой жизнью и дышат свое богомерзкое существование. Сама же кровь... вампиры не особо распространяются, что с ней в конечном итоге происходит.

Ну а четвертый тип – пожиратели. Упыри, гули, вендиго, визгуны и прочие твари, поглощающие плоть живых. Конечно, они ее не переваривают – нечем. Просто глотают и ходят с ней внутри. Мясо разлагается, гниет, выделяется трупный яд и прочие смрадные миазмы – и вся эта погань позволяет нежити и дальше мертветь.

Эти создания – несомненный четвертый тип. Пожиратели. Неизвестно, чем или кем их кормил безумный волшебник, но в конце концов они сожрали его самого.

Массено приблизился к алтарю и снизил точку зрения, изучая лежащие там предметы. Два канделябра с оплывшими свечами. Несколько чьих-то костей. Пустая чашка с погнутой вилкой. Медный жезл. Книга.

И странного вида... осколки. Нечто вроде кусков черного стекла или кристаллов с острыми гранями. От них исходили недобрые флюиды – даже Солнечное Зрение меркло, когда монах пытался на них сосредоточиться.

Больше всего Массено заинтересовала книга. Она не имела названия, но на обложке была вырезана пятиконечная звезда. А под обложкой монах обнаружил гримуар – книгу, что есть почти у каждого мастера чародейных дел. Не доверяя одной только памяти, здесь они хранят свои знания и секреты, записывают заклинания, рецепты зелий и ритуальные чертежи.

К сожалению, это был не гримуар Антикатиство. Всего лишь того волшебника, что семнадцать лет назад прибрал к рукам его башню. Массено и здесь не нашел его имени, зато нашел много чего еще.

Судя по всему, волшебник был не очень-то и могущественный. Не магистр, даже не лицензиат – всего-навсего бакалавр. Просто очень увлеченный и настырный. Он действительно

всю жизнь изучал Антикати́сто, сумел в конце концов отыскать его тайную комнату и прибрал к рукам кое-что из его имущества.

В том числе – гримуар.

И не просто гримуар. С содроганием в сердце читая неровные строки, Массено узнал, что Антикати́сто принадлежал самый могущественный из черных гримуаров. Самая страшная колдовская книга в мире.

Черный Криабал.

Именно с его помощью он обратил себя в воплощение ужаса. Именно с его помощью обрел невероятную силу и едва не уничтожил всю Мистерию. Он хранил его в своем тайнике – и после его гибели Черный Криабал мирно покоился шесть веков.

А потом его нашел этот безумный волшебник. Нашел, даже воспользовался, проводил с его помощью какие-то ритуалы... но бездарным образом утратил. Разве что не плюясь на страницы, чернокнижник рассказывал, что, заполучив такую силу, решил бросить вызов волшебнику Медариэну. Массено много слышал об этом добром чудотворце – возможно, величайшем белом маге Парифата.

И он оказался воистину велик. Ничтожный безумец не сумел победить его, даже владея Черным Криабалом. Медариэн одолел его и отнял гримуар, но убивать не стал. Видимо, преисполнился жалости к несчастному, хотя, судя по записям, благодарности тот не испытывал.

Он вернулся в башню Антикати́сто и целых десять лет еще прожил в ней, все дальше уходя по дороге помутнения рассудка. Он все же успел почерпнуть кое-что из Черного Криабала и пытался что-то создать на этой основе – но тщетно. Именно тогда он обратил своих слуг в новый вид нежити.

С каждым годом волшебник делал записи все реже, и были те все бессвязнее. На последних страницах они вовсе превращались в галиматью, а почерк становился почти нечитаемым. Но Массено все же удалось разобрать несколько строк:

«Я болен. Подхватил что-то. Не могу их кормить. Нечем. Они голодны. Их глаза горят. Они все медленнее выполняют мои приказы. Но они обязаны мне повиноваться. Я же их хозяин. Уверен, вс...»

Последняя страница была заляпана кровью.

Вот так бесславно этот волшебник и закончил свои дни. Он не стал вторым Антикати́сто, хотя всей душой к этому стремился.

Массено же... Массено не так и много извлек из его путаных записей. Да, теперь он знал, где и как Токхабаяж стал Антикати́сто, но это не отвечало на вопрос, как тот вернулся к жизни спустя шестьсот лет.

И куда еще важнее – где его искать и что с ним делать?

Массено еще раз перечитал некоторые страницы в гримуаре. Безумный волшебник писал, что вот эти черные осколки на столе – побочный эффект от ритуала обращения во Тьму. По сути, это частички самого Антикати́сто, его кристаллизованная плоть. Потеряв Черный Криабал, волшебник пытался что-то наколдовать с их помощью, но не преуспел.

Массено ничего не мог сделать с этой находкой. Но, возможно, чародеи Мистерии смогут. Многие виды магии основаны на подоби́и и сродстве – имея волос или обреза́к ногтя человека, можно разыскать его или наложить прокля́тие...

Неизвестно, получится ли что-то такое с этими кристаллами живой Тьмы. Но надо попытаться. Здесь Массено в любом случае больше ничего сделать не может.

Он прихватил также гримуар и жезл. Возможно, волшебники и из них сумеют что-нибудь извлечь.

А если нет... что ж, Массено просто бросит их в выгребную яму.

Глава 4

– Кто дерзает вступить под своды Ахлавода? – снова раздался глас.

– Не отвечайте ему! – шикнул Плацента. – Пошли, как будто не слышим!

Искатели Криабала попробовали так и сделать. Глас повторился еще дважды, все более настойчиво, но путники продолжали прикидываться глухими.

И тогда перед ними появилось сияющее лицо-маска. Оно висело в воздухе, а вместо глаз и рта зияли пустые отверстия. Перекрыв путь, страж Ахлавода раздраженно сказал:

– Я знаю, что вы меня слышали! По-вашему, я полный идиот?!

– Прости нас, о добрый дух, мы посчитали, что твой дивный голос – просто коллективная галлюцинация, – повинился Дрекозиус. – В последнее время с нами случались и более странные вещи.

– Во мне нет ничего странного. Я просто дух-хранитель Ахлавода. И, если хотите через него пройти, вам придется меня убаготворить.

– Мы понимаем, – поклонился Дрекозиус. – Подскажи, как мы можем это сделать, если будет на то твоя и богов милость.

– Будет. Я на самом деле очень нетребовательный дух. Мне много не нужно. Оставьте мне одного из вас – и идите себе спокойно.

– Можешь забрать гоблина, – без раздумий сказала Джиданна.

– Заткнись, тля! – бешено заорал Плацента. – Почему опять гоблина-то?! И я не гoblin, я полугoblin, стерва!

Дрекозиус печально вздохнул, приложил персты к переносице и промолвил:

– Добрый дух, не согласишься ли ты на некую иную оплату? Как бы ни был счастлив любой из нас навек остаться твоим гостем, это все же слишком высокая цена только за то, чтобы позволить пройти. Уверен, что ты, будучи существом высокоинтеллектуальным, и сам это понимаешь, но просто решил остроумно пошутить над странниками. Вероятно, тебе чрезвычайно скучно целыми днями сторожить эту пещеру, и ты пользуешься любой возможностью, чтобы развеять хандру.

– Вообще, да... – задумчиво согласился дух. – Мне тут действительно дико скучно. Если вдуматься – и зачем мне этот вонючий гoblin-то?..

– Это я-то, по-твоему, вонючий?! – фыркнул Плацента. – Это ты еще моего папашу не нюхал, тля! Рассказать тебе, чем он пах, вонючка ты летучая?!

– А Расскажи, – внезапно согласился дух-хранитель. – Расскажи мне интересную историю – только действительно интересную! – и я тебя пропущу.

Плацента что-то невнятно прогундел, но вообще-то предложение показалось ему выгодным.

Всего-то почесать немного языком? Дешево!

– Ладно, тля, – довольно сказал он. – Если тебе так втемяшилось, я расскажу. Уж расскажу, тля. Было это, ярыть, в восемьдесят втором году, когда я еще в люльке лежал и под себя гномов делал. А, хотя нет. Погоди. Тля... когда ж это было-то?.. Погоди-погоди!.. Тля, суета какая-то...

Плацента нахмурился, пытаясь вспомнить, когда случилась единственная в его жизни встреча с отцом. И в конце концов таки вспомнил, что было это в тысяча четыреста девяносто втором, когда ему едва-едва исполнилось одиннадцать. Гоблины и полугоблины взрослеют быстрее людей, поэтому Плацента в том возрасте уже всю резал карманы и даже успел пощупать одну нетребовательную потаскушку.

И однажды, когда он вернулся домой – а Плацента тогда еще жил с матерью, – то услышал за дверью спальни знакомые звуки. Его родительница к тому времени уже совсем истрепалась, но иногда ей еще удавалось завлечь клиента из самых неразборчивых.

Это оказался гоблин. Гоблин, тля! Плацента прекрасно знал, что его маман не брезгует этой кривоногой падалью – он все-таки иногда смотрелся в зеркало! – но его все равно до не могу это бесило.

И в этот раз Плаценту прорвало. Он спрятался за рваненькой занавеской, приготовил нож и стал ждать, пока этот вонючий гобло вынет свой волшебный жезл и выйдет сам.

Тот вышел очень быстро. Покряхтел еще минуты две, свалился, еще с минуту бубнил о чем-то за дверью и весело гыгыкнул. Плацента расслышал звон монет и напрягся.

Он уже собирался выпрыгнуть и ударить. Но тут наконец увидел очередного хахаля мамыши... и рука замерла.

Плацента словно смотрелся в зеркало. Довольно кривое и мутное зеркало, в котором отражалось более скрюченное, морщинистое и зеленокожее его подобие... но сходство все же было налицо.

Гоблин тоже это заметил. Он расплылся в кривой ухмылке, назвал Плаценту «сынишкой» и предложил сходить в кабачок.

Там и прошел первый и единственный вечер, который Плацента провел с отцом. Он до сих пор вспоминал его с умилением.

Особенно кошелек, который подрезал у бати, когда прощался.

Радость омрачало только то, что и батя спер у Плаценты кошелек. Но там денег было гораздо меньше, так что полугоблин все-таки остался в выигрыше.

Духу-хранителю история понравилась. Он согласился пропустить Плаценту, но потребовал такой же платы и с остальных. Те и без того уже догадались, к чему идет дело, так что спорить не стали.

Джиданна неохотно рассказала, как подобрала в парке голодную грязную белку, распознала в ней редкое волшебное животное и накормила единственной своей золотой монетой. Белка смолотила ее мгновенно и прониклась к тогда еще студентке Униониса искренней симпатией. Та взяла ее домой и через некоторое время обратила в фамильяра.

После этого они стали близки, как бывают близки только волшебник и его фамильяр. Объединили мысли и чувства. После этого, правда, выяснилось, что белка – существо злонравное, ворчливое, ленивое и прожорливое, но волшебства в ней было до кира, так что Джиданна все равно осталась довольна.

Белка же, неслышная для людей, но не для духа, добавила от себя, что ее волшебница – тоже существо злонравное, ворчливое, ленивое и прожорливое.

Рассказал занимательную историю и отец Дрекозиус. Причем не из своей жизни, а просто одну байку о трех епископах, которые нашли потерянную иерофантом Грандпайра шапку и чуть не поубивали друг друга, заспорив, кто оную шапку будет возвращать. Возможно, Дрекозиус этот анекдот попросту выдумал, но дух все равно остался доволен.

Кое-как удалось выдать историю и из Мектига. Та оказалась самой короткой из четырех, посвящена была встреченному в Шиассе Солетунгу, да к тому же дармаг почему-то попытался изложить ее в стихах.

Сам он, правда, заявил, что это не стихи, а нид.

Вполне этим всем ублаженный, дух-хранитель позволил пройти. Даже любезно предложил сопроводить – мол, в АхлавODE очень легко заблудиться, а выходов из него множество, и далеко не все ведут в хорошие места.

Только теперь, только от этого духа искатели Криабала узнали, что же, собственно, такое этот самый Ахлавод. Оказалось, что это запутанная разветвленная пещера, находящаяся как

бы между мирами. Точнее, один кусочек Ахлавода – в одном мире, другой – в другом, третий – в третьем, но при этом между ними можно свободно ходить.

Дух-хранитель даже поименовал несколько из них, но ни один из искателей никогда о таких мирах не слышал. Они родились на Парифате, знали, что после смерти попадут в Шиасс, что боги и святые живут в Сальване, а демоны – в Паргороне. То, что кроме этих четырех существует и еще что-то, раньше было известно только Джиданне, но и она никогда не интересовалась чем-то сверх того, что преподавали на кромкохождении.

Еще дух-хранитель сказал, что на Парифат ведут три туннеля, и спросил, по какому из них его гости желали бы выйти.

– А куда конкретно они выводят, если будет нам позволено спросить? – осведомился Дрекозиус.

– Что за страны там расположены, я не знаю. Но каждый из туннелей ведет в волшебное место. На болото Кошмаров, на остров Еке Фе Фонсе и в Дарохранилище. Куда бы вы хотели попасть?

– В Дарохранилище! – без раздумий выпалила Джиданна.

– Эй, тля, ты не окирела ли вконец, колдожаба?! – разозлился Плацента. – Ты какого кира все время за всех решаешь?! Ты кто тут вообще?! Тебя кто главной назначил, тля?!

– Ладно, – спокойно ответила волшебница. – Решай тогда ты. Куда?

– Куда?.. Э... Тля!.. а что это за места-то?!

– Я что-то слышал о болоте Кошмаров, – елеинно сказал Дрекозиус. – Если не ошибаюсь, это именно там обитают... кхм... Кошмары. Злые духи, что преследуют добрых сеvigистов в дурных снах, а порой и наяву.

– Не только добрых и не только сеvigистов, – уточнила Джиданна. – Но в целом да.

– Не надо, – мотнул головой Мектиг. В его водянистых серых глазах мелькнуло неприязненное выражение.

– Ладно, – неохотно согласился Плацента. – А Еке Фе Фонсе – это что?

– А это такой островок рядом с Мистерией, – усмехнулась Джиданна. – На языке Каш его название означает «проклятый остров-свалка». Мистерия хоронит там Черные Книги и проклятые артефакты.

Плацента хотел было сказать, что это волшебное барахло наверняка стоит денег, но потом все-таки решил, что лезть в самую клоаку черной магии – так себе авантюра.

– Ладно, – еще неохотнее согласился он. – А Дарохранилище – это что такое?

– О, сын мой, если легенды не врут, это воистину дивное место, – возвел очи горе Дрекозиус. – Одна из величайших затерянных святынь. Мечтание каждого охотника за удачей. Я живу на свете сорок семь лет, но и надеяться не смел, что однажды ступлю в такое место.

– Ага, – подтвердила Джиданна. – Дарохранилище – это что-то вроде... храма. Волшебного храма. Каждый, кто попадает туда, получает волшебную способность.

– Какую?! – подался вперед Плацента.

– Случайного рода и обычно совсем мелкую. Но всегда полезную.

После этого Плацента уже не спорил.

В самом Ахлаводе ничего интересного не было. Пещера и пещера. Вокруг мерцали зеленые и розовые кристаллы, и белка Джиданны даже украдкой погрызла парочку, но то оказался обычный кварц. Просто с примесями железа и еще чего-то, что белка раньше не пробовала.

Вкус ей не особо понравился.

Единственное развлечение в пути предоставил Плацента, на которого напала сильная икота. Джиданна и Дрекозиус наперебой давали разные советы, и даже Мектиг вставил несколько слов, но ничего не помогало. Полугоблин шел и икал. Шел и икал.

А потом они прошли указанным духом-хранителем туннелем, вышли с другой стороны... и Плацента перестал икать.

Дарохранилище. Джиданна и Дрекозиус слышали о нем, но понятия не имели, как оно выглядит. И вот – вступили под его своды.

Вход в Ахлавод с этой стороны оказался совсем невзрачным. Крохотная дверца, какие обычно прикрывают кладовки и чуланы. Ее сложно было заметить в зале под открытым небом, на фоне белоснежных мраморных колонн и великолепных статуй.

Боги. То были статуи богов. Все Двадцать Шесть, вся божественная севи́га. Стоя по кругу, они протягивали руки, словно приглашая их пожать.

– Ну?! – затрясся в нетерпении Плацента. – Где моя способность?!

– Если я ничего не путаю, нужно коснуться одной из статуй, – сказала Джиданна. – Бог, которого она изображает, сделает тебе подарок. Маленькую волшебную силу.

– А всех можно?!

– Нет, только одну.

– А если коснуться всех?!

– Не знаю. Попробуй, если хочешь.

Плаценте не терпелось попробовать. Но он порядком трусил. Опасливо поглядывал на остальных, ожидая, чтобы те испытали судьбу первыми.

Но и остальные тоже робели. Даже Мектиг Свирепый.

Это же все-таки боги. Пусть только как статуи, но все равно.

– Я слышал, что нужно не только коснуться статуи, но и очиститься перед этим духом, – поведал Дрекозиус. – Вознести молитву избранному божеству, устремиться к нему всеми своими помыслами – и в вечной своей благодати один из Двадцати Шести наградит тебя тем даром, которого ты достоин. Если, конечно, ты вообще хоть чего-то достоин.

После этого все еще сильнее стушевались. Никто не чувствовал себя достойным. Каждый из искателей Криабала считал себя центром вселенной... но каждый же втайне подозревал, что боги могут с такой точкой зрения не согласиться.

– Дети мои, не отслужить ли нам вначале молебен? – заискивающе предложил Дрекозиус. – Давайте прочтем хором Великую Молитву. Или, может, вы исповедуетесь мне в грехах? Конечно, я не жрец-исповедник, но все равно имею право принимать исповеди. Вот ты, дочь моя. Скажи мне как на духу – не испытываешь ли к кому ненависти, не думала ли о ком плохо?

– Думала и думаю. Вот о нем, – ответила Джиданна, указывая на Плаценту.

– Как это печально. Но отчего же так?

– Да он у меня браслет спер.

– Отдай, – пробасил Мектиг, хватая полугоблина за шкуру.

Надо было слышать, какой поток дерьма полился из Плаценты. Минуты три он костерил своих спутников на чем свет стоит, оскорблял их самыми грязными словесами и желал им самого плохого, а лучше всего – позорной мучительной смерти.

Обычные гоблины так ведут себя, когда ощущают за спиной силу. Когда их целая орава, они наглые и задиристые, как никто другой. Но когда гоблинов мало или вообще только один, они сразу становятся тихими, вежливыми и подобострастными.

А вот полугоблины не становятся.

Впрочем, остальные давно к этому привыкли и почти не обращали внимания.

– Ладно, раз уж мы все равно здесь – глупо стоять и ничего не делать, – сказала Джиданна. – Давайте попробуем получить Сущности. Но вначале проведем эксперимент на животном.

– О, ты предлагаешь испытать Дарохранилище на твоей чудесной белке, дочь моя? – спросил Дрекозиус.

– Белке?.. При чем тут моя белка?.. Эй, Плацента, иди сюда!

Мектиг и Джиданна схватили полугоблина с двух сторон и поволокли к ближайшей статуе. Плацента орал, упирался и обещал почему-то их засудить.

– Вы права не имеете так со мной поступать! – визжал он. – У меня, тля, юридическое образование, я точно знаю!

– Юридическое образование?.. – приподняла брови волшебница.

– Улица, тюрьма и тот стряпчий, которого я прирезал!

Плацента отбивался так яростно, что сбил с Джиданны очки и заехал кулаком в грудь. Но одолеть таким же образом Мектига он был бессилён. Могучий дармаг встряхнул его, как крысу, стиснул запястье и заставил коснуться руки ближайшей статуи. Та изображала длиннорядого старца с одухотворённым лицом.

Плацента мелко задрожал всем телом. Между его ладонью и холодным мрамором пробежала искра. Но ничего плохого с ним не произошло, и все успокоились.

– Не совсем уверен, правильный ли выбор ты сделал для нашего друга, сын мой, – с сомнением произнес Дрекозиус. – Эта статуя изображает Елегиаста, бога мудрости и знаний... быть может, более логичным выбором для юного Плаценты был бы дар от Фуракла?

– Да какой он юный? – хмыкнула Джиданна. – Ему тридцать шесть, он старше меня. Но вы правы, отче, давать ему что-то от Елегиаста – как кошку капустой кормить. Уж лучше бы что-то от Крысиного Короля, это верно.

Плацента в кои-то веки никак не прокомментировал их слова. Он сидел обескураженный и прислушивался к тому, что происходит в его голове. Остальные же трое, убедившись окончательно, что полугоблин не пострадал, стали выбирать статуи для себя.

Здесь присутствовали все боги севигоизма. От первого до последнего, по кругу, без первых и последних. И искатели Криабала очень долго вертели головами, не в силах принять решение.

Первым выбор сделал Мектиг. Он почти без сомнений шагнул к Энзирису. Бог войн, сражений и оружия был закован в доспехи, стоял с обнажённым мечом и смотрел так сурово, словно собирался зарубить всякого, кто подойдёт.

Но все прошло хорошо. Сверкнула искра, и Мектиг Свирепый часто заморгал. Он снял с пояса секиру и осторожно коснулся острья оселком.

Впервые за все время знакомства искатели Криабала увидели на лице дармага улыбку.

Выглядела та... жутко.

– Что тебе досталось? – с интересом спросила Джиданна.

– Самозатачивающийся Клинок, – пробасил Мектиг. – Любое оружие в моих руках всегда будет острым.

– О, полезно.

Мектиг молча кивнул.

– Когда состаришься и не сможешь махать топором сам, сможешь работать точильщиком, – добавила волшебница.

– Я не доживу до старости, – угрюмо ответил Мектиг.

– Я тоже так думаю, – согласилась Джиданна, продолжая разглядывать статуи богов.

Она колебалась куда дольше дармага. Бог мудрости, знаний, наук и волшебства – Елегиаст, но Джиданну это все не особо привлекало. Она пошла учиться на волшебницу не потому, что так уж любила это занятие, а просто потому, что хотела быть независимой и не любила работать руками.

Будь ее отец кем-то побогаче простого булочника или не будь у Джиданны двух старших братьев, которым отошло все наследство, – она бы стала достойной лавочницей и горя бы не знала.

Во всяком случае, ей всегда нравилось так думать.

Так или иначе, рассчитывать на какие-то деньги ей не приходилось, а начать свое дело с нуля очень сложно, тем более женщине. Так что она упростила родителей позволить ей попытаться счастья в Мистерии.

Те не очень верили, что ее примут, но им до смерти хотелось хвастаться перед соседями, что их дочь – волшебница. Так что отец достал из подпола кубышку с монетами и поехал с дочуркой на юг, к порталу.

К сожалению, увидеть ее с дипломом он уже не успел. Отец умер через шесть лет, когда Джиданна только-только начала полевую практику. Еще через два года она поступила на бакалавриат, а еще через четыре – получила степень лиценциата.

За год до этого умерла и мать.

Когда Джиданна вернулась в Пайнк, братья встретили ее неласково. Они оба к тому времени стали бороатыми, обремененными семьями толстяками и давно разделили родительское наследство.

Джиданна слегка припугнула их Царем Зверей, но только лишь припугнула. Она не рвалась в магиозы. Хозяинчающий в Пайнке епископ Суйм точно не стал бы вызывать Кустодиан – просто развел бы на площади костер побольше.

Так что сейчас Джиданна выбрала не Елегиаста. В карманах у нее звенели монеты, награбленные у Хальтрекарока, так что и мимо бога богатства Гушима она прошла равнодушно.

Ну... почти равнодушно.

А остановилась она возле толстопузого краснорожего здоровяка с поварешкой на поясе. Люгербец, бог еды и вина. Слишком уж хорошо Джиданна помнила времена, когда ей было практически нечего есть.

И она получила дар от Люгербеца. Прислушалась к внутренним изменениям, закрыла на секунду глаза, повела рукой... и в ней появилось яблоко.

– Яблоко, – ровным голосом произнесла Джиданна.

Она откусила кусок. Яблоко было крупным, но зеленым и кислым.

– Я получила большое, зеленое и кислое яблоко, – совсем уже бесстрастно прокомментировала волшебница. – Теперь у меня всегда будет яблочный пирог.

Она отшвырнула надкусанное яблоко и сотворила новое. То оказалось точно таким же, как предыдущее.

Но предыдущее при этом растворилось в воздухе.

– У меня не может быть более одного яблока одновременно, – подытожила Джиданна. – Если я создаю второе, то первое исчезает. На пирог не хватит.

Она еще немного поэкспериментировала, изучая возможности этой жалкой, но все-таки Сущности. Оказалось, что при создании второго яблока исчезает только несъеденная часть первого. Проглоченное остается проглоченным. И даже откушенная часть остается во рту. При этом не важно, съела ли его сама Джиданна или кто-нибудь другой.

– Ладно, не так уж и плохо, – наконец пожала плечами волшебница. – По крайней мере, от голода теперь точно не умру. Хотя я бы предпочла окорок.

– Фрукты полезнее для здоровья, дочь моя, – наставительно заметил Дрекозиус.

Он единственный еще не сделал выбора. Взвешивал все «за» и «против», прикидывал возможности.

Очевиднее всего казался Космодан. Отец Богов, верховный владыка Сальвана. Но в том-то и проблема. Тучегонитель – не бог чего-то конкретного, как остальная севига. Конечно, у него тоже есть своя стезя – он хозяин небес, облаков и туч, грома и молнии, дождя и града... но в первую очередь он просто самый главный. И совершенно неизвестно, какой дар он может дать.

Какой угодно может.

И потому Дрекозиус, взвесив все «за» и «против», коснулся когтистой лапы Якулянга. Звездный Дракон – не самое популярное божество в севиге, и поклоняются ему в основном обитатели болот и те народы, что покрыты чешуей... но именно это и стало для Дрекозиуса

решающим аргументом. Наверняка люди редко возносят Ползущему свои молитвы, так что ему будет приятно, и он не поскупится.

И каким же было его разочарование, когда он осознал, что ему досталось. Дар Спящего Человека. Возможность в любой момент по своему желанию погрузиться в сон.

– Я приму это смиренно и с благодарностью, – не очень убедительно произнес жрец.

А вот Джиданне Сущность Дрекозиуса очень понравилась. Рядом с ней ее Яблоко уже не казалось таким гоблиным.

– А у тебя что? – спросила она Плаценту.

Тот зло скрипнул зубами, раскрыл рот... и заговорил на непонятном языке.

– Фоку дегура, сакитне тахора! – сплюнул он.

На лице Мектига отразилось непередаваемое изумление. Он повернулся к Плаценте и спросил:

– Ты знаешь оксетунг?

– Галатиль фиста га, стродинн, – скривился полугоблин.

Изумление Мектига сменилось гневом. Он почти мгновенно переместился к Плаценте, стиснул его шею и очень тихо сказал:

– Прощаю один раз. В следующий – убью.

Дрекозиус тихо сказал Джиданне, что слово «стродинн» на оксетунге означает мужеложца. И это, возможно, худшее оскорбление для дармага.

Когда Мектиг отпустил полугоблина, тот хрустнул шеей и начал бешено изрыгать брань на всех языках Парифата:

– Нья ку се те е-ба монате, бабука! Чонга умасомао илеасини со'о! Гуй де ни та ма де, во хен ни! Гобло турку трикасетранг и дертерзог!

– Вот это действительно удивительно, – покивал Дрекозиус. – Оксетунг, билетанди, обезьяний, ю-ян, орчанг... сын мой, неужели ты овладел всеми этими языками? Или... быть может, ты просто получил возможность на всех них браниться? Могу ошибаться, и прости, если ошибаюсь, но пока что ты не произнес ни одного слова, не относящегося к обценной лексике...

– Уаль иси гармасимхосохосоло! – огрызнулся Плацента.

– О, а это эльфийский! – оживилась Джиданна. – У нас в общаге была одна эльфка... интересно, где она сейчас... Ты что сказал-то, кстати?

– Он просто послал нас в анналы, дочь моя, – скорбно улыбнулся Дрекозиус.

– А вы что, знаете эльфийский, отче?

– Я знаю десять языков, дочь моя.

– Недурственно. И какие же?

– Парифатский, сальванский, эльдуальян, оксетунг, гоблинский, орчанг, билетанди, обезьяний, ю-ян и бранный ньявлингуал.

Джиданна глянула с завистью – сама она знала только парифатский, паргоронский и язык Каш. Причем Каш – язык чисто прикладной, для составления заклинаний. Говорить на нем никто не говорит.

А паргоронский Джиданна знала очень плохо. Брала его в свое время факультативом, но потом долго гадала, зачем ей это вообще понадобилось.

В итоге своей новой Сущностью доволен остался только Мектиг. Да и тот больше по нетребовательности. В конце концов, его Самозатачивающийся Клинок ненамного лучше самого обычного оселка.

Но по крайней мере из Шиасса искатели Криабала выбрались. Вернулись в мир живых. Снова оказались под синим небом и ярким солнцем... точнее, под звездным небом и яркой луной.

Никто не знал, сколько точно дней они провели в мире мертвых. Там никому всерьез спать не хотелось. Но когда они вернулись... усталость навалилась тяжеленным камнем.

И голод тоже пришел. В желудках словно зарычали огромные волки. Вот когда Джиданне пригodiлось ее Яблоко – она принялась творить одно за другим, обгладывая почти до черешка. Этими же волшебными плодами напитались и остальные – но не раньше, чем волшебница объелась так, что раздуло живот.

Белке она отдала один из самых крупных, но треснувших самоцветов.

Куда они попали, никто не знал. Оказались посреди какой-то рощицы. Рядом мерцала ажурная арка, ведущая обратно в Дарохранилище, чуть подальше с журчанием бежала речка, а за ней, еще дальше – темнела крепостная стена. Похоже, замок или город.

– Дойдем, поищем постоянный двор?.. – для проформы предложил Дрекозиус.

– Нет, – мотнул головой Мектиг, укладываясь прямо на траву. – Я хочу спать.

Никто не стал спорить. У всех головы словно налились свинцом и тянули к земле. Не хватило сил даже развести костер – впрочем, это и не требовалось. Неизвестно, куда вывел их Ахлавод, но по крайней мере здесь было тепло.

– Спокойной ночи, дети мои, – пожелал Дрекозиус, как бы невзначай подвигаясь к Джиданне. – Да осенит вас крылом Якулянг.

Глава 5

В Пиршественных палатах было страшно шумно. Цверги орали, пели песни и звенели кружками. В воздухе стоял такой густой дух, что кружилась голова. Пахло жареным и тушеным мясом, свежим хлебом и пряными кореньями, крепчайшим элем и хмельным медом.

Никогда в жизни еще Фырдуз не был в таком огромном зале. Он почти не видел стен. Под потолком висели мощные солнцешары, и свет заливал каждый уголок, но гостей было так много, что все скрывалось за пышными одеждами и бородами.

Воевода Брастомгруд представил кобольда как своего личного гостя. Рядом с воеводой Фырдуз и сидел, ожидая окончания пира. Ему тоже поставили огромное блюдо, ему тоже накладывали яства и подливали напитков, но он ужасно робел и смущался. Боялся опростоволоситься перед всеми этими важными цвергами.

Направо он вообще старался не поворачиваться. Слева-то сидел старик Брастомгруд, который хоть и воевода, но не особенно страшный. Очень даже свойский дядька.

А вот справа... Фырдуз дрожал от мысли, что сидит по левую руку от самого принца Перетрекумба. Старшего сына его королевского величества. Известный фат и пустозвон, он любопытничал ко всему необычному – и при виде кобольда с оккупированных земель сразу загорелся, велел посадить его подле себя, начал было даже расспрашивать... но моментально о нем забыл, едва стали разносить закуски.

Но Фырдуз-то не забыл. Когда подали деликатесные плоды Сверху, он даже отказался брать оранжевый и круглый. Однажды Фырдуз его уже ел и помнил, что тот брызгается соком, когда его чистишь.

Забрызгать соком принца будет невыносимым срамом.

Вместо этого он взял сладкие пурпурные шарики, которые воевода назвал «черешней». Те оказались очень вкусными, но с очень большими косточками. Выплевывать Фырдузу было неловко, поэтому он незаметно их глотал.

А вот принц Перетрекумб не был так щепетилен. Он лопал все, что перед ним ставили, перемазал бороду мясным соком и даже забрызгал соусом собственную лысину. Лысина у него была знатная, блестящая, увенчанная огромным родимым пятном. В народе шептались, что это знак его королевского достоинства.

Аккурат напротив Перетрекумба восседал его младший брат, Остозилар. Абсолютно не похожий на старшего. Прямо-таки subtilный по меркам цвергов, узкоплечий, длинноволосый. Вместо косматой неряшливой бородачи – аккуратно расчесанная, умощенная маслом бородка. Вместо красного от эля толстеного носища – небольшой нос очень правильной формы. Вместо мутных, но добрых буркал – острый, но злобный взгляд.

Ну а между принцами, во главе стола сидел их отец, король Тсаригетхорн. Очень старый, абсолютно седой и весь скрюченный цверг. Его лицо словно превратилось в одну сплошную морщину.

Кресло, в котором его разместили, было огромным. А король – маленьким. Он занимал едва половину сиденья, был обложен подушками и поминутно кашлял. Ел он тоже очень мало, большую часть пира мусоля одну-единственную лепешку с грибами.

И ему не было дела ни до Фырдуза, ни до его новостей. Через посредство Брастомгруда кобольд наконец передал послание от Тревдохрада и на словах рассказал все, что уже рассказал воеводе... но это никого не заинтересовало. Король только уставился на него пустым взглядом и промямлил:

– Так вы бежали от хобиев?.. Поразительно...

После этого он смолк, предоставляя остальное своим сыновьям, советникам и воеводам.

Те, однако, отнеслись к известиям равнодушно. Перетрекумб выслушал историю Фырдуза с любопытством, но только лишь как занятную историю. Кажется, он вообще не осознал, что это все правда, что хобии и йоркзерии действительно обложили границы Яминии.

Остозилар же принялся гневно фыркать. Именно он читал вслух послание Тревдохрада – читал вслух, громко, с выражением... и с язвительными комментариями. Каждое слово он нещадно критиковал, переиначивал и открыто издевался. В его изложении Тревдохрад получался бездарным дурачком, пошедшим искать вчерашний сон.

– ...И он, значит, погиб от случайной хобийской стрелы? – ядовито спросил принц. – Ну-ну. Я почему-то даже и не удивлен. Всегда думал, что он закончит как-то вот так – нелепо и бесполезно.

Брастомгруд стиснул мозолистые кулачищи, но ничего не сказал.

– Да и можем ли мы вообще верить этому... кобольду? – с отвращением глянул на Фырдуза Остозилар. – Их страну захватили хобии, мы все это знаем. Но Кобольдаланд всегда исторически тяготел к Подгорному Ханству, это просто агрессивная политика. Захватывать еще и Яминию им стратегически невыгодно, да и попросту глупо. Хобии не дураки и прекрасно понимают, что мы их растопчем, если дойдет до драки. Ну серьезно, господа, кто-то здесь боится этих кротов?

Советники, воеводы и просто почтенные цверги насмешливо зашумели, загоготали. Хобиев не боялся никто.

– А Тревдохрад... пф... – презрительно фыркнул Остозилар. – Он всегда раздувал шум из ничего. Паниковал из-за ерунды, как... как... как кобольд! Я даже не удивлюсь, если на самом деле он вовсе не погиб, а сбежал! Трусливо сбежал, боясь снова взглянуть мне в глаза! А вся эта история с хобиями просто им выдумана, чтобы мелко всем нам отомстить!

– Это неправда, – рискнул негромко сказать Фырдуз.

– Тихо, – шикнул на него Брастомгруд. Сам он смотрел на принца исподлобья, но помалкивал.

– Но это неправда, – чуть возвысил голос кобольд. – Тревдохрад ничего не выдумал. Я сам видел.

– Я-то тебе верю, малец, но им ты ничего не докажешь, – проворчал воевода.

– О чем вы там шепчетесь, а? – прищурился принц. – О хобиях? Или... о, ха-ха, йоркзериях?

В рядах цвергов послышались смешки.

– Кстати, о йоркзериях Тревдохрад ничего и не писал, – заметил один из советников принца.

– Естественно! – фыркнул тот. – Он твердолоб, как камень, но все-таки не спятил же еще! В такую выдумку не поверили бы и дети! Откуда ты вообще взял этих йоркзериев, кобольд?

– Я сам их видел, – тихо ответил Фырдуз. – Это правда.

– И ты можешь подтвердить? Может, у тебя были помни-зерна? Или кристаллы Сакра-тида? Покажи нам этих йоркзериев!

– У меня ничего такого не было... Я могу только дать слово...

– Меритедак заглянул в его память и все подтвердил, – сказал Брастомгруд.

– А, конечно. Мэтр Меритедак, его мудрость. Это все меняет, разумеется. Кстати, он уже отыскал свои носки? Помнится, при нашей последней встрече он жаловался, что у него их ворует шаловливый домовой.

Цверги за столом снова грохнули. По бородам некоторых потек эль – так их все это расмешило.

– Слушай... это... а ты не ломаешь зря жилу?.. – промямлил Перетрекумб. – Подземный Рекулан-то хобии заняли, нет?.. Границы нам перекрыли... Ну... Я это... вон, поставки чего-то... опять... Сыр вздорожал... баранина опять же... Не, я, может, что не так говорю...

Речь его и в самом деле звучала невнятно. Перетрекумб выпил уже столько, что хватило бы десятку кобольдов. Цверги к элю гораздо крепче, но и они от такого количества обычно уже падают под стол.

А вот принц все еще держался – но взгляд у него стал совсем ословелый.

– Ты бы вообще помалкивал, – облил его презрением младший брат. – Заняли и заняли. Что нам с того Рекулана? У них там просто горячая точка, надо же понимать. Закончат все, умиротворят этих... с кем они там воюют... и снова все откроют.

На этот раз советники и воеводы принца не особо поддержали. Блокада на востоке и перекрытые торговые пути их порядком раздражали.

Но все же не до такой степени, чтобы начать войну. А на Яминию хобии и в самом деле покамест не зарятся.

Фырдуз-то знал, что это только покамест. Но как убедить этих упрямых табуреток? Верно про цвергов говорят, что они не поверят в сталактит, пока не ударятся о него башкой.

– Надеюсь, границы они откроют скоро, – пробурчал старший принц. – У меня заканчивается запас черного рекуланского.

– Да скоро, скоро, – огрызнулся младший. – Предупреждение мы Ханству вынесли, дипломатическую ноту отправили. Между прочим, их посол лично принес мне свои извинения за временные неудобства.

– А, ну раз извинения, тогда конечно... – вполголоса произнес Брастомгруд.

После этого Остозилар окончательно утратил интерес к Фырдузу. А на его отца и старшего брата рассчитывать и вовсе не приходилось. Первый уже крепко спал, пуская носом пузыри, а второй хоть и бодрствовал, но сидел как тесто в квашне.

Младший принц же... кобольду показалось, что он за что-то ненавидит Тревдохрада, а заодно и его отца. Может, конечно, и просто примерещилось... но мелькало у него что-то такое в глазах, когда он говорил о погибшем цверге.

Пир закончился, гости стали расходиться. Фырдуз печально смотрел в пустую тарелку. Цверги всегда считали хобиев просто жалкими слепыми карликами и не принимали всерьез.

А йоркзерии... кабы Фырдуз не видел их своими глазами, то тоже бы не поверил, что они и впрямь сидят где-то в глубинах. Детские сказки же.

– Что ты собираешься делать с этим... кобольдом? – брезгливо посмотрел на Фырдуза Остозилар, поднимаясь из-за стола.

– Мой денщик на днях родил, – хмуро ответил Брастомгруд. – Мне нужен новый. Этот кобольд был достаточно ловок и смышлен, чтобы донести письмо от моего сына через три страны – подойдет и мне.

– Пф, – только и фыркнул принц. – Как тебе будет угодно.

Мнения самого Фырдуза воевода не спросил. Но тот и не думал отказываться. Место денщика при такой важной особе – большая удача для беглого каторжника. Брастомгруд, конечно, крутенок, под горячую руку не суйся, но все же добрый, зря не обидит.

Как минимум кормить точно будут сытно.

А больше Фырдузу сейчас идти некуда. До Яминии он добрался, обещание выполнил, послание королю доставил. Пока в Кобольдаланде хобии, возвращаться туда не хочется. А в каких-то других странах ему и вовсе искать нечего.

Да и какие вокруг страны-то другие? Верхние в основном. К югу все тот же Браат, а к северу города-государства Утер и Данголь да Акния, страна наземных вардов. Наверху кобольду жизнь плохая.

К западу разве что тоже подземелья, но там Таврия, а минотавры настораживали Фырдуза даже сильнее цвергов. Они еще больше, еще сильнее, еще громогласнее и агрессивнее. Да и подземелий там уже не так много, минотавры почитай что наполовину Верхние.

А на восток... на восток Кободард и Рекулан, а за ними снова Кобольдаланд.

Так что Фырдуз стал денщиком яминского воеводы. И не пожалел.

Работы, конечно, ему досталось порядком, но была та куда легче, чем на мифриловой шахте. Да и кормили действительно во много раз лучше. Брастомгруд жил не на широкую ногу, по-холостяцки, но был он все же воеводой, одним из самых заслуженных, да еще и родичем самого короля, пусть и дальним. У него был собственный повар – и отличный.

Правда, тот никак не мог запомнить, что кобольды едят втрое меньше цвергов. Садясь за стол, Фырдуз каждый раз пугался своей порции. Все внутри него протестовало тому, чтобы выкидывать харчи, но осилить такую гору он не мог никак. У него и без того уже начало расти брюшко.

Когда Брастомгруд был дома, Фырдуз чистил его сапоги и одежду, драил кольчугу и топор, расчесывал и подравнивал бороду. Он вспомнил свою основную профессию и принялся варить домашнее мыло, самодельные клеи и лаки.

Но дома Брастомгруд только ел и спал. В остальное время он был либо на Военном Дворе, либо где-то на улицах Хасмы. Выслушивал жалобщиков, командовал своей элитной сотней и следил за чистотой нужников.

Именно нужников. Оказалось, что принц Остозилар и впрямь ненавидит Брастомгруда, но не имеет повода его разжаловать. Слишком много заслуг у старого воеводы, слишком давно тот на посту. И потому принц решил добиться, чтобы Брастомгруд ушел в отставку сам – а для этого дает ему самые грязные и неприятные поручения.

Заботиться о пыточных инструментах, например. Пытки в Яминии применяются редко, но иногда все же случается. Для них существует специальный Пыточный Двор – обычно пустующий, но должный содержаться в образцовом порядке.

Еще Брастомгруд занимается телесными наказаниями. И отлавливает крыс. И чинит водопровод. И канализацию даже.

Не своими руками, конечно, а только руководит – но делает все это его элитная сотня.

Самому Брастомгруду такое положение дел не нравилось совсем, но он безропотно тянул лямку. Старый служака превыше всего ценил дисциплину. И если владыка велел подметать плац ломами – Брастомгруд будет подметать, пусть и матеря владыку сквозь зубы.

– Понимаешь, кобольд... – говаривал он иной раз по вечерам, уже крепко набравшись медовухи. – Тут ведь оно как... Принц – он, конечно, да... но он еще не самый худший. Я двести лет в строю, я при трех королях служил. Нынешнем, да отце его, да дяде еще. И я тебе скажу, дядя-то нынешнего – он, скажу тебе... И как быть было? Вывод-то очевиден, конечно, но, как говорится, ни туды ни сюды... Эх...

Вообще, вечерами Брастомгруд становился обычно грустен и желал излить кому-нибудь душу. Рассматривал, бывало, инкарнический портрет сына и еще какого-то бородатого цверга, тяжело вздыхал, глушил крепчайший эль и все бессвязнее говорил:

– Армия – это дело такое, кобольд... Она как мы, как я, как ты, как все. А без армии что? То-то же. Вот и думай. С одной стороны – так точно. Служу королю. А глянешь глубже – никак нет. На кол короля. И на кира тогда это все? Эх...

Так прошло несколько дней. Фырдуз уже начал забывать о хобийской угрозе – так спокойно было в каменной твердыне Хасмы. Но потом... потом один из гвардейцев Брастомгруда поймал в канализации шпиона.

Хобий. То был самый настоящий хобий. Конечно, само по себе это еще ничего не значит – в Хасме есть хобии. Купцы, путешественники, дипломаты. В основном из соседнего Усэта, но есть и из Подгорного Ханства.

Только вот в канализации им делать абсолютно нечего. Особенно в канализации королевского дворца. Прямо возле главного воздуховода. В маске и шипастых ботах-стенолазах.

Брастомгруд как раз выпрашивал своего гвардейца об обстоятельствах, когда на Военный Двор заявился принц Остозилар. Причем взбешенный до того, что почти дымилась

борода. Он влетел прямо в ворота на личном конструкторе, подъехал к Брастомгруд и стал на него орать. Сжавшийся позади воеводы Фырдуз не мог толком разобрать слов – так страшно кричал принц.

Брастомгруд же молча стоял и слушал. Остозилар поорал с минуту, а потом перешел к еще не закончившему доклад гвардейцу. На него он закричал еще громче, еще страшнее, а потом... выхватил меч. Без колебаний, без предупреждения принц стал осыпать несчастного ударами – и слава еще Пешернику, что плашмя.

Гвардеец не смел сопротивляться. Брастомгруд стискивал кулаки и скрипел зубами, но тоже помалкивал. Благо принц быстро закончил экзекуцию, швырнул меч на землю и принялся кружить по двору как безумный. Он делал страшные гримасы, вертел головой, кривил рот, закатывал глаза, подергивал плечами и дрыгал ногами, выкидывая коленца.

Все были напуганы до полусмерти, и никто не смел подойти. Фырдуз, немного знакомый с аптекарским делом, осторожно тронул Брастомгруда за рукав и спросил:

– Ваше превосходительство, это конвульсии?

– Они, – мрачно ответил воевода. – Падучая у принца. Ничего, ща оклемается.

Принц действительно оклемался. Тяжело дыша, он повернулся к Брастомгруд и спросил:

– Вы что... ты что себе позволяешь, воевода?! Почему я узнаю, что ты... ты арестовал... ты кого арестовал?! Как посмел?!

– А кого я такого арестовал? – спокойно спросил воевода. – Лазутчика. Вроде как обязанность это моя.

– Этот лазутчик – заместитель посла Подгорного Ханства, приближенная особа ханши и ее личный друг! – рявкнул Остозилар.

– И поэтому он лазил по канализации в маске и с крючьями? – хмыкнул воевода. – Интересно проводят время личные друзья ханши.

Остозилар слегка нахмурился. Похоже, об обстоятельствах ареста хобия ему не сообщили. Неизвестно, как он вообще узнал так быстро о случившемся – пары часов же еще не прошло. Брастомгруд самому доложили вот только что.

Но как-то узнал. Видно, фискалов держал при ненавистном воеводе.

– Ты мне тут не вывинчивайся! – прошипел он, приблизив лицо к лицу Брастомгруда. – Смотри!.. Заместителя посла немедленно отпустить – и с извинениями!

– Что, даже без допроса? – каменным голосом спросил воевода.

– Не смей допрашивать приближенную особу ханши! Ты кем себя возомнил, а?! Смотри у меня, воевода, смотри!.. Я ведь еще проверю, что там на самом деле твой сынок делает на востоке! Думаешь, я поверил, что он погиб?! Я же знаю!.. знаю!.. А ну, пошли, я лично извинюсь перед заместителем посла!

Остозилар резко развернулся и зашагал. Избитый гвардеец рискнул окликнуть его, сказать, что он идет не в ту сторону, – и получил за это «дурака».

Но принц все-таки повернул в нужную сторону. Брастомгруд зашагал следом, красный от гнева.

– Вот ведь стерва, – процедил он в сторону. – Так и не простил.

– Что не простил? – подал голос Фырдуз. – Если позволено спросить, ваше превосходительство.

– Да сына моего он не простил... – неохотно промямлил Брастомгруд. – Сын мой с принцем... это... как бы... ну сам понимать должен...

– А, ну да, – глубокомысленно покивал Фырдуз. – Только... а что я должен понимать-то?

– Ну вот какие вы, нецверги, непонятливые, – раздраженно поморщился воевода. – Ну это... да чтоб тебя... любили они друг друга, ярьть их в забой. А потом кончилась любовь.

Разругались в рудничную пыль и расстались. Тревдохрад после того сразу на восток и ушел – в дозор попросился, в дальнюю разведку. А принц... принц так и не простил...

– Ого, – только и сумел выговорить Фырдуз. – Вот уж... не подумал бы. То есть... ну принц-то еще ладно, его высочество... ну... такое... Но Тревдохрад... ярыть... вот уж... не подумал бы про него...

– Не подумал бы чего?.. – не понял Брастомгруд.

– Ну, что Тревдохрад – мужелюб...

Брастомгруд резко схватил Фырдуза за шиворот и стиснул так, что у того глаза вылезли из орбит. Еще сильнее покраснев, но просто-таки ледяным голосом воевода спросил:

– Ты не окирел ли, кобольд? Ты что же, моего сына мужелюбом назвал? Да я тебя зарублю сейчас на месте.

– Но... но... но как же?.. – изумленно прохрипел Фырдуз. – Вы же сами... вы же только что... что он с принцем?..

– С принцем, ну!.. И с чего ты... а-а-а!.. а-а-а!.. ах-ха-ха-а!.. – аж расхохотался Брастомгруд. – Ты что ж, кобольд, решил, что принц – мужик?! Ах-ха-ха-а!.. Ох, не могу!.. Смешные вы, нецверги...

Пока они сопровождали Остозилара в допросную, воевода раскрыл Фырдузу глаза на один важный аспект жизни цвергов. Удивительно, но Фырдуз раньше не обращал внимания, что еще ни разу не встретил цверга-женщину. Провел в Яминии уже довольно много времени, видел кучу ее жителей – но все сплошь мужчин.

Оказалось – ничего подобного. Женщин он все это время тоже видел, даже говорил с ними. Только не понимал этого. Женщины-цверги ничем не отличаются от мужчин, пока не снимут одежду. Точно такие же рост, телосложение, мускулатура, борода, голос. Грудь у женщин-цвергов набухает только во время вскармливания – а оно длится совсем недолго, их младенцы уже через пару лун переходят на твердую пищу.

Если приноровиться, различать их все-таки можно. Женщины, даже цверги – все-таки женщины. Они чуть опрятнее заплетают бороды, чуть тщательнее чистят одежду. Пользуются румянами и притираниями – хотя тоже чуть-чуть, едва заметно. Сами цверги никогда не путают, кто есть кто.

Однако им на это в высшей степени начхать. Если не считать деторождения и некоторых связанных с браком моментов, мужчины и женщины цвергов ведут совершенно одинаковую жизнь. Одинаково работают, едят, сражаются, вместе ходят в баню. Они обычно даже в разговорах не указывают половую принадлежность – всех называют «он». Что там у кого между ног, цверги считают чистой формальностью, не стоящим внимания пустяком.

И да, принц Остозилар оказался женщиной. Не принцем по факту, а принцессой.

И что удивило Фырдуза еще сильнее – его король-отец по факту оказался королевой-матерью. Настолько уж цверги не придают этому значения, что это ни разу даже не мелькало в разговорах.

– А вы сами, ваше превосходительство... – очень осторожно заговорил кобольд.

– Не, я мужчина, – мотнул головой воевода. – Но скажу тебе по секрету...

– Куда дальше?! – обернулась Остозилар, спустившись на третий нижний этаж. – Воевода!..

– Я покажу, – протиснулся мимо нее Брастомгруд. – Сюда, ваше высочество.

Допросная была темной, но чистой. Хобий сидел за столом, охраняемый двумя гвардейцами, и с аппетитом поглощал кашу прямо из котелка. Он действительно был в странном одеянии, при взгляде на которое в глазах как будто двоилось. На мгновение показалось, что за столом никого нет, а котелок висит в воздухе.

Фырдуз слышал о таком. Костюм лазутчика, отводящие взгляд чары. Только нужна еще и маска, без нее нормально не работает. А маска лежала на другом столе, и делалась явно не для хобия. Наверное, трофей из Кобольдаланда – Фырдузу бы вот было как раз впору.

А на кротовьем рыльце хобия оно должно сидеть плохо. Быть может, именно из-за этого его и застукали – понадеялся на костюм, не стал прятаться... а гвардеец оказался внимателен.

– Почему он до сих пор в этом шмоте? – брезгливо осведомился Брастомгруд.

Гвардейцы тут же схватили хобия за бока, приподняли над стулом и принялись вытряхивать из костюма. А тот заверещал, завертел рылом и принялся быстро-быстро лепетать. Появление воеводы и принца привело его в настоящий ужас.

Говорил он на хобийском подгорном. Но только от испуга – Брастомгруд прикрикнул, и лазутчик мгновенно перешел на парифатский. Трясаясь всем телом, заместитель посла быстро и сбивчиво говорил, как сильно любит цвергов и как презирает своих собратьев, хобиев.

По его словам, Подгорное Ханство ведет несправедливую войну, и потому он не хотел делать то, что сделал, но его заставили. Он же просто мелкий хобийчик, слуга своих господ, он должен делать, что приказывают.

– Наша ханша – агент Зла! – отчаянно выкрикивал заместитель посла. – Это она велела мне заложить под ваш дворец бомбу!

– Заложить... что?... – подался вперед Брастомгруд.

– Что заложить?! – побледнела Остозилар.

До этого момента Фырдуз втайне подозревал, что принц... принцесса Остозилар стакнулась с хобиями. Очень уж она за них радела. Быть может, кроты пообещали ей, что возведут на трон в обход старшего брата?

Но теперь кобольд видел – нет, вряд ли. Услышав о попытке подрыва дворца, Остозилар как с цепи сорвалась. Она толкнула Брастомгруда в сторону, схватила заместителя посла за грудки и вскинула под самый потолок.

– Тебе конец, кротовье отродье, я сверну тебе башку, оторву рыло, выдавлю глаза!!! – визжала принцесса, сотрясаясь в конвульсиях.

Только совместными усилиями гвардейцев и воеводы лазутчика удалось вырвать. Упавший на пол, он сжался в комочек и прикрылся огромными когтями. Судя по панике на морде, до него запоздало дошло, что цверги понятия не имели, зачем он ползал по канализации. У него ведь был шанс отбрехаться, наплести что-нибудь – тем более что Остозилар изначально собиралась вообще отпустить его с извинениями.

Но он решил, что все уже раскрыто, все уже известно – и со страху сам все и выложил.

Худшей ошибки нельзя и вообразить.

Теперь принцесса Остозилар уже не возражала против допроса лазутчика. Прислонившись к стене, покрытая холодным потом после нового приступа падучей, она мрачно смотрела на хобия. Брастомгруд, которому развязали руки, сразу выбил из того все, что можно.

Заместитель посла оказался невероятно труслив. Никогда еще Фырдуз не видел, чтобы кто-нибудь так трясся за свою шкуру. А ведь хобии вообще-то не робкий народец. Даже удивительно, что столь ответственное задание поручили именно ему.

Однако причина этого тоже быстро выяснилась. У хобиев хватает субтермагов, но взрывную субтерму они бы в посольство тайком не протащили. За этим цверги следят очень внимательно.

Так что для диверсии они решили использовать алхимическую бомбу. Смешать и завожить прямо на месте – а для такого дела нужен алхимик.

Но алхимиков не накопать в шахте. Их у хобиев было не так уж много, и большая часть – либо слишком стары для такой авантюры, либо не настолько умелы, чтобы смешать бомбу достаточной мощности.

Вот этот хобий, Гуган-Гунках Ворошила, оказался одним из немногих подходящих. Его назначили заместителем посла, прислали в Хасму и велели сделать то, что он пытался сделать.

Только по счастливой случайности у него не вышло.

Когда допрос закончился и заместителя посла увели, Остозилар вся как будто обмякла. Усевшись на каменный табурет, принцесса тяжело вздохнула и признала:

– Ты был прав, воевода. Ты был прав.

– Прикажете начинать готовиться к войне, ваше высочество? – холодно осведомился Брастомгруд.

– Да какой войне, ну что ты в самом-то деле? – поморщилась Остозилар. – Какой войне? Ну да, я ошибся в намерениях хобиев. Они действительно дерзкие злобные недоноски и хотят покорить мир. Но ты правда считаешь, что у них что-то получится?

– Кобольдаланд они захватили.

– Кобольдаланд. И все. Одна-единственная страна – это еще не весь мир. Тем более что Кобольдаланд... ну право же, воевода, ну сам посуди. Чтобы захватить Кобольдаланд, хватило бы твоей сотни гвардейцев. Кобольды не умеют воевать.

Фырдуза эти слова слегка задели. Но Остозилар даже не замечала, что он все еще здесь, стоит тенью позади Брастомгруда. Раздраженно почесывая седалище, принцесса заявила:

– Нам нечего бояться кротов. Пусть пытаются сколько влезет. Граница с Рекуланом у нас перекрыта. Так что, чтобы до нас добраться, им вначале придется пройти через Кободард, одолеть вардов. Думаешь, они одолеют их легко, воевода? Варды – не кобольды, Кободард – не Кобольдаланд. А когда кроты крепко там увязнут, когда медведи их как следует отколошматят, – выступим мы. И возьмем их всех голыми руками.

– Всех – в смысле всех хобиев, ваше высочество?

– Всех – в смысле всех! Хобиев. Вардов. Кобольдов. Мы начнем освободительную войну... и ты же не станешь спорить, что под нашей властью им всем будет житься гораздо лучше?

– Вам виднее, ваше высочество. Но что, если хобии не увязнут в Кободарде надолго? Что, если они разобьют вардов быстро... так же быстро, как разбили кобольдов?

– Силы глубинные, да что ты несешь-то все время, воевода?! Не разобьют они их! А даже если вдруг и случится чудо – да пусть приходят! Пусть приходят прямо сюда, под стены Хасмы! Ты думаешь, они смогут ее взять?!

Взять Хасму – дело чрезвычайно сложное, в этом Фырдуз уже убедился и сам. Столица Яминии расположена на краю бездонной пропасти, а с другой стороны у нее сплошная каменная толща. Единственный путь в город – прочный, но очень тонкий мост. Достаточно одного цверга, чтобы удерживать его против любого количества захватчиков.

– Хасма нерушима, воевода! – фыркнула принцесса. – Она не бывала взята со дня основания Яминии! Так что пусть хобии приходят – мы просто скинем их в пропасть!

И тут издали донесся трубный гудящий звук. Как будто ревел громадный зверь. Фырдуз не понял, что это значит, но все цверги сразу побледнели.

– Рог Реодорна!.. – воскликнул Брастомгруд. – Город атакуют!

Глава 6

Из тумана выступал остров. Каменистый, угрюмый, накрытый словно шапкой из облаков. Увидев торчащие из нее шпили, Танзен невольно поежился. Никогда раньше он не посещал это место, да и сейчас предпочел бы не посещать.

Ведь это не что-нибудь, а Карцерика. Остров-тюрьма, где держат магиозов.

Танзен сопровождал арестованного им ранее Архида Роко. Но это был исключительно повод. Он вызвался его сопроводить только ради возможности заглянуть за эти стены. Ему не хотелось делать это официальным образом, ведь от дела-то его отстранили.

Мэтр Роко был сейчас похож на остров, куда его везли. Такой же угрюмый, неприветливый, насупивший седые брови. Старик крепко обозлился на разоблачившего его Танзена и сулил ему сквозь зубы всего плохого.

В будущем это может доставить Танзену неприятности. Архид Роко – профессор. Не лауреат, но волшебник очень могущественный. И в Карцерику он отправляется не навсегда – он коррупционер, но не магиоз. Он нарушал законы не с помощью волшебства, а просто брал взятки. Это тоже дело непростительное, и ученый совет приговорил его к двенадцати годам Тюремного Венца... но не такой уж это и долгий срок – двенадцать лет.

И когда мэтр Роко получит свободу...

Впрочем, двенадцать лет – срок все-таки и не маленький. Архид Роко – человек, и ему уже сто десять лет. Следующие двенадцать он не сможет пользоваться волшебством, так что они будут для него тяжелыми. И когда он все-таки освободится... вот только ему и будет заботы, что мстить агенту Кустодиана, который когда-то его разоблачил! Танзен повидал таких – уходящих в Карцерику с обещанием покататься. Некоторые уже давно освободились – и где они?

Нет, не мэтр Роко беспокоил Танзена. Его волновали те двое, что последними брали почитать «Излучающий артефакт. Проект «Апофеоз». Разработки, испытания, применение».

Альяделли и Инквивари.

Особенно Альяделли, конечно. Он-то брал книгу относительно недавно. Но как раз его отыскать не удалось – две луны назад он бесследно исчез. Как в воду канул.

Из его знакомых никто ничего не знал. Танзен осмотрел дом пропавшего, его личные вещи, считал слепок ауры, но пойти по следу не смог. Две луны прошло – все давно затерлось, ничего уже не расшифруешь.

Не помогли и волшебные средства. По просьбе Танзена ребята из информационного отдела использовали видящие зеркала и поисковых духов, но Альяделли не обнаружился. Либо его кто-то прячет, либо он просто носит скрывающий амулет. Они, к сожалению, довольно дешевы, чем и пользуются магиозы и даже обычные преступники.

Конечно, Танзен не собирался прекращать розыски. Исчезновение Альяделли только усилило его подозрение. Но сегодня у него появилась возможность попасть в Карцерику – и он воспользовался ею, чтобы навестить магистранта Инквивари.

Магистра тот так и не получил. Был весьма многообещающ, ему прочили хорошую карьеру и со временем непременно профессуру... но в итоге он не стал даже магистром. Непосредственно перед защитой диссертации его схватил Кустодиан. И вместо диплома магистрант получил Тюремный Венец.

Ему дали пожизненное. И немудрено. Инквивари попался не на взятках, как Роко. Не на злоупотреблении волшебством, как Сукрутурре.

Он попался на попытке активировать чакровзрыватель.

А ведь Танзен поначалу им еще и не заинтересовался. Думал, что магистрант просто брал книгу почитать. И каково же было его удивление, когда он узнал, что сорок лет назад весь Кустодиан стоял из-за этого на ушах.

Но сорок лет – это сорок лет. Даже сорок один, если в точности. Сейчас Инквивари – просто строчка в списке заключенных Карцерики, и о том инциденте мало кто помнит. Сам Танзен в то время вообще отсутствовал в Мистерии – ему было двадцать четыре, и он странствовал с наставником по джунглям Арикании. Готовился получить зачет за полевую практику.

Воздушный корабль встал у облачной пристани, и два дюжих стража взяли мэтра Роко под руки. На профессоре висели тяжелые корониевые кандалы, так что колдовать он не мог. А без волшебства он всего лишь плюгавый сутулый старичок в огромной шляпе.

– Нехорошо поступили, мэтр Танзен, – укоризненно сказал Роко, пока его спускали по трапу. – Зачем лезть понадобилось? Я вам, кажется, ничего плохого не делал.

– Мои извинения, мэтр Роко, – развел руками Танзен. – Не хотел обидеть.

Вместе с заключенным и стражами он двинулся к белому зданию у самой пристани – корпусу администрации. Он не собирался надолго здесь задерживаться.

До того как стать тюрьмой, остров был полигоном для испытания глобальных заклятий. Здесь много экспериментировали с погодным волшебством, и это до сих пор аукается. На Карцерики всегда сырь и мокрядь, а дождь льет два дня из трех.

Но передача узника – дело небыстрое. Сначала пришлось выдержать канитель с оформлением, заполнением всех бумаг. Потом – нанесение татуировки.

Жуткое это дело – Тюремный Венец. Заключенные Карцерики не носят корониевых кандалов – им просто делают вокруг шеи специальную татуировку, прочно запирающую волшебную силу. Удалить ее невозможно даже с кожей – проступит хоть на мышцах, хоть на костях. Если заключенного выпускают, то наносят поверх Тюремного Венца поперечную черту – та отменяет его действие.

Если волшебник потом попадает в Карцерику снова, ему наносят вторую татуировку – уже не на шее, а вокруг головы. По лбу, вискам, затылку. После этого еще и перестают расти волосы.

Ну а в третий раз... в третий уже не татуируют. Магиоза с двумя отсидками живым не берут.

– Распишитесь вот здесь, мэтр, – попросил комендант, пока Роко сбрасывали бороду.

– Да, конечно... – черкнул на листе Танзен. – Мэтр, у меня к вам еще дельце. Могу я побеседовать с одним из узников?

– Как агент Кустодиана или как частное лицо?

– Нечто среднее. Я веду одно расследование, но не совсем официальным порядком.

– Это немного затрудняет дело, – нахмурился комендант. – Вы же понимаете, какие у нас тут меры безопасности.

– Но ведь посещать заключенных можно и в частном порядке?

– Можно, но только при наличии загодя поданной и одобренной заявки. И не всех. Кого именно вы хотите видеть, мэтр?

– Трогохо Инквивари, магистрант. Он все еще жив, я надеюсь?

– Минуточку.

Начальник тюрьмы порылся в картотеке. Та находилась в обычном деревянном шкафу и состояла из обычных картонных карточек. В Карцерики предпочитают не использовать магию без крайней нужды.

– Ага, магистрант Инквивари, – нашел нужную карточку комендант. – А он у нас уже порядочно...

– Сорок лет.

– Да, это было еще до меня, – кивнул комендант. – У него пожизненное, мэтр. И особый режим. Я мог бы еще позволить вам увидаться с кем-то на общем режиме... и даже на строгом, может быть... Но особый... Даже не знаю, мэтр. Может, вы просто позеркалите префекту, чтобы он выдал пропуск?

Танзен на мгновение задумался. Ему не хотелось сообщать Сарразену, чем он занимается. Тот не будет доволен, если узнает, что Танзен не уделяет все внимание лечению.

– Понимаете, мэтр, я могу позеркалить, конечно, – даже вытащил из кармана дальнотерско-кало Танзен. – Это не составит мне труда. Но дело в том, что вот это расследование... мэтр Сарразен ничего о нем не знает. Понимаете?... Ничего.

Он так выделил слово «ничего», что кавычки стали почти видимы. Рот коменданта округлился, он понимающе кивнул и выставил перед собой ладони.

– Ни слова больше, мэтр, – сказал он. – Я сейчас же проведу вас к нужной камере. Частным порядком.

Шагая по каменистой тропе вслед за этим пухлым румяным человечком, Танзен размышлял о том, что не так уж и надежны засовы Карцерики. Достаточно быть агентом Кустодиана и знать, что нынешний комендант – служака исполнительный, но недалекий.

Впрочем, пройти внутрь – достижение не ахти какое. Танзен убедился в этом еще на входе, когда на запястье у него защелкнулся корониевый браслет.

– Это зачем? – осведомился он у коменданта.

– Мера предосторожности, – ответил тот. – Волшебство запрещено в стенах Карцерики, мэтр.

Танзен мог бы сказать ему, что в его случае эта предосторожность излишня. Если Танзен попытается применить волшебство, у него просто лопнут чакры. Он не был уверен, погибнет ли после этого или станет обезмаженным калекой... но проверять не планировал.

Но внутри Карцерики в таких браслетах ходили все. Да и вообще короний тут был повсюду. Не сами стены, конечно – все-таки этот металл дороже серебра, – но каждая решетка, каждая дверная ручка, каждый гвоздь. Даже без браслета на руке сотворить здесь заклинание сумеет только какой-нибудь корифей.

Стражи Карцерики под стать зданию. Коридоры этой страшной тюрьмы патрулируют корониевые големы. Безжалостные чудовища из холодного металла. Само их присутствие затрудняет колдовство, а если дотронется – блокирует совсем.

Создание такого голема – чудовищно трудный процесс. С коронием крайне сложно работать. Корониевые артефакты – большая редкость, они очень дороги. А уж целые големы... едва ли их можно встретить хоть где-то, кроме Карцерики.

Верхние этажи населяли заключенные общего режима. Они содержались в не слишком строгих условиях. Можно даже сказать, комфортных. У них были книги, настольные игры и другие развлечения, они имели право гулять, их свободно посещали близкие. Если бы не Тюремный Венец на каждой шее, это походило бы на мрачноватый пансионат.

Не так было ниже, где содержались заключенные строгого режима. Особо опасные, склонные к побегам, рецидивисты. Никаких прогулок, только одно посещение в луну, развлечения ограничены. Многие были обриты наголо, красуясь сразу в двух Тюремных Венцах – на шее и вокруг головы.

В питании строгих заключенных тоже ограничивали. Не только хлеб и вода, конечно, но никаких излишеств. При виде коменданта некоторые стали жаловаться, стучать о решетки железными кружками. Из железа в Карцерики делали все, что нельзя было сделать из корония, – оно ведь тоже затрудняет волшебство, пусть и гораздо слабее.

– К решеткам не подходить! – прикрикнул комендант. – Тихо сидеть! Прошу за мной, мэтр, нам с вами еще ниже.

Заклученные особого режима содержались глубоко в недрах острова. Замурованные под толстым слоем камня и железа, закованные в короний, они ютились в одиночных камерах, порой годами не видя живого лица. Сюда бросали самых опасных и могущественных магиозов.

Корониевые големи не сразу пропустили даже коменданта. Ему пришлось произнести длинный и зубодробительный пароль, чтобы убедить их отворить двери. Но в конце концов Танзен оказался там, куда надеялся никогда не попадать, – на самом дне Карцерики.

Здесь было не так уж и много узников. Десятка три или четыре. Но у всех – пожизненное, и каждый – натуральный монстр. Некоторые из них творили такое, что встают дыбом волосы.

К сожалению, это оборотная сторона волшебства.

Из-за решеток сверкали глаза. Особые заключенные молча следили за идущими по коридору людьми. Иные при их виде вставали, подходили ближе. Из одной камеры высунулась костлявая рука, увенчанная такими когтями, что Танзена передернуло.

– Мэтр Пхан-Пхан, – ухмыльнулся комендант. – Из пещерных троллей. Вы не волнуйтесь, он в колодках.

– Надо думать, – согласился Танзен.

Он еще никогда не видел живого пещерного тролля. Даже не знал, что среди них есть выпускники Клеверного Ансамбля. Это ведь, пожалуй, самая безмозглая тролляя раса – они лишь чуть разумнее обезьян.

Зато, правда, невероятно сильны и быстры, а их когти разрывают даже камень и металл. Танзену давно хотелось заполучить себе такого в копилку образов. Равнинный тролль у него уже есть, форма № 23, но равнинный ни в какое сравнение не идет с пещерным.

– Мир тебе, Пхан-Пхан, – поприветствовал его Танзен.

– Гхраа-аа... – утробно прорычал узник. – Кххрра-а... Чхе-хе-еловеек... Дай еды, чхее-еловеек...

– Не вздумайте, мэтр, – торопливо сказал комендант. – Кормить заключенных запрещено.

– Я и не собирался. Мэтр, а он и в самом деле... волшебник?..

– О да, и еще какой. Но понимаю, что вас удивляет. Возможно, он единственный пещерный тролль, получивший гражданство Мистерии. И он и в самом деле может показаться глуповат... как и все его сородичи. Но волшебный дар у него в самом деле незаурядный... жаль только, применял он его не самым достойным образом.

– А какое у него ученое звание?

– Только специалист. Одного только дара все-таки недостаточно, сами понимаете.

Танзен взглянул в темноту за решеткой. Вероятно, стены там покрыты чем-нибудь особо прочным. Или просто зачарованы. И Танзен бы действительно очень не отказался сделать мэтра Пхан-Пхана своей формой № 100... но сейчас у него физически нет такой возможности.

Очень жаль.

– Но где же мэтр Инквивари? – спросил он.

– В самом конце, – указал комендант. – Я подожду вас здесь, мэтр.

Перед этой камерой Танзен стоял довольно долго. За корониевой решеткой сидел Трогох Инквивари – возможно, единственный живой волшебник, своими глазами видевший чакровзрыватель.

Кроме самого Танзена, конечно.

Магистранту Инквивари перевалило уже за восемьдесят, и половину своей жизни он провел в темнице. Совершенно седой, грязный, морщинистый, с длинными желтыми ногтями, он скрючился в углу камеры, мерно покачивался вперед-назад и издавал неясные звуки.

Содержали его в аскетичных условиях. Каменный топчан, такой же валик под голову, серое дерюжное одеяло. На единственной полочке лежали две книги – Ктава и «Тригинтатрия». На полу стояли две плошки – с водой и едой... если это бурое месиво можно так назвать.

А вся стена была усеяна черточками. Многими тысячами черточек. Каждые четыре перечеркивала пятая, а каждые пять пятерок пересекались совсем длинной линией.

Глядя на это чучело, Танзен размышлял о том, что зря он сюда приехал. Что полезного может рассказать дряхлый безумец? За сорок лет магистрант Инквивари превратился в пустую скорлупу, тень бывшего себя.

Но тут он вдруг поднял голову – и в его взгляде блеснул огонек. Перестав бормотать и раскачиваться, узник поднялся на ноги, странно улыбнулся и произнес:

– У меня посетитель? Приятно. Очень-очень приятно. Кем будете, мэтр?

Из-за отсутствия некоторых зубов Инквивари слегка прищамкивал, но не более того. Танзен, уже не ждавший услышать членораздельную речь, даже удивился в первый момент.

– Мэтр Инквивари, – чуть наклонил голову он. – Кажется, мы с вами еще не знакомы.

– Ну так давайте познакомимся! – оживленно воскликнул узник, сверкая глазами. – К вашим услугам. К вашим услугам! Вас я чести знать не имею, зато я к вашим услугам! Магистр Инквивари, будем знакомы!

– Магистр?.. – приподнял бровь Танзен. – Не магистрант?

Это ужасно Инквивари возмутило. Он аж подскочил. Подбежал к решетке, схватился за прутья костлявыми пальцами и воскликнул, тряся длиннющей бородой:

– Не магистрант, мэтр! Магистр! Я уже сдал свой проект, сдал! И диссертацию защитил! Оставалась только формальность, церемония! Только диплом вручить! Они не вручили мне его, не вручили, не успели вручить... но что есть диплом?! Бумажка! Я магистр, мэтр, магистр! Мой диплом все равно мой, все равно при мне!

– Хорошо, магистр, как скажете, – не стал спорить Танзен. – Я тоже магистр, очень приятно.

– А, тоже, вы тоже!.. Это замечательно! – хихикнул Инквивари. – Раз мы оба магистры, мы поладим, вы согласны со мной? Магистр с магистром всегда поладят! Что вас ко мне привело?

– В общем-то просто любопытство. Я слышал, что вы пытались разыскать один из древних артефактов...

– Пытался?.. – снова хихикнул Инквивари. – Я его разыскал, магистр! Разыскал, разыскал! Это же и был мой дипломный проект! Я разыскал его, привез в Мистерию, хотел продемонстрировать в действии... но все почему-то так переполошились! Дурачье, ретрограды! Я же принял все меры предосторожности!

– Вы собирались... продемонстрировать в действии... чакровзрыватель?.. – медленно и недоверчиво переспросил Танзен.

– Ага! Ха-ха-ха, магистр, вы бы видели рожи дипломной комиссии! И представьте себе – они ведь поначалу даже не поняли, что это такое! Я такой выкатываю артефакт на сцену, а в зале полно народу, в жюри все эти важные жабы из Делектории, и они мне квакают такие: мол, что вы нам представите, магистрант? Я им все описал, все рассказал, все представил – а у них рожи-то зеленеют, зеленеют, ха-ха-ха!.. Ну чисто жабы!

– Но запустить вы его все-таки не запустили.

– Не успел, – сокрушенно ответил Инквивари. – Не успел, к сожалению.

– Но... вы собирались?.. Вы всерьез собирались его использовать?

– Ну да. А что?

– Но... вы что, не понимали, что тоже погибнете?

– А-а, магистр, вы не в курсе, да? – весело погрозил пальцем Инквивари. – Вы тоже один из этих, считающих, что артефакт просто положит излучением вокруг себя? Хе-хе-хе. Это же не так. Точнее, так, но только если использовать его примитивно. Ну как взять взрывную свечу, поджечь фитиль и просто стоять с ней в руках. Тогда да, конечно. Но ведь наши предки использовали эти артефакты в войнах, вы в курсе? Думаете, они просто притаскивали их к врагу и

сами потом о них самоубивались? Артефакт излучает це-ле-на-прав-лен-но! Может даже стрелять на огромное расстояние, как катапульта. Так что никого бы я там и не убил вовсе. Ни себя и никого другого. Но они все равно всполошились, забегали... со сцены меня сшибли... знаете, это очень больно, когда в вас попадает сразу семь разных заклинаний. Особенно проклятие профессора Хараббы... знаете, у меня до сих пор еще иногда отдает в четвертом позвонке. Старый бушук не пожалел тогда маны...

– Сочувствую, магистр, – холодно сказал Танзен. – Если не секрет – а где вы достали этот чакровзрыватель?

– Да неподалеку же, магистр, неподалеку, – улыбнулся Инквивари. – Я воспользовался тем самым, который когда-то разыскал Кустодиан.

– Что вы имеете в виду? Кустодиан уничтожил все найденные чакровзрыватели.

– Все, да не все, хе-хе-хе!.. А что, для вас это сюрприз? Ну да, они уничтожили почти все... но одну штуку все-таки оставили, хе-хе-хе! На всякий случай. В назидание потомству, да и просто... на всякий случай. Вроде даже пытались заставить его заработать, но... не преуспели. Дурачье. А я вот преуспел... и скажите честно, разве это не достойно диплома магистра?! Почему мне его так и не дали?!

– То есть один чакровзрыватель Кустодиан оставил в рабочем состоянии?... – все еще недоверчиво переспросил Танзен. – И как вы его заполучили?

– Да как-как... Они же не у себя в подвалах его хранили. Сами небось гномов делали при одной мысли, что он сработает. Захоронили его на Еке Фе Фонсе. А туда добровольно-то никто не суется, так что охрана не очень и прочная. Ну я и добрался. А что?

Еке Фе Фонсе... От названия этого острова по коже Танзена пробежал холодок. Когда-то у Еке Фе Фонсе было нормальное название, и там кто-то даже жил, но Мистерия давным-давно превратила его в свалку. Место для захоронения опасных магических отходов. Туда сваливают все то добро, которое лучше не видеть даже на горизонте.

Но Танзен и подумать не мог, что среди всего этого есть рабочий чакровзрыватель.

– Знаете, магистр, я очень долго его разыскивал, – поделился Инквивари. – Очень долго. Знаете, где я нашел ключ? В архивах монахов Ши. Эти верочумцы сидят по своим монастырям с самого Ледника, и в их летописях, кажется, есть вообще все обо всем. Данные, правда, оказались разрозненными, пришлось долго их сопоставлять – но я справился, магистр! Убедился, что несколько малых артефактов все еще остались, все еще сохранились... причем один – прямо у нас под боком, в Мистерии!

– Малых, – уцепился за это слово Танзен. – А что насчет большого? Насчет него вы ничего не выяснили?

– А, Апофеоз!.. – с каким-то затаенным удовольствием выдохнул Инквивари. – Тот самый, что положил конец эпохе Волшебства... Конечно, я пытался его разыскать. Но... не преуспел. Даже малые артефакты создавались необнаружимыми, а уж Апофеоз-то... Возможно, его и вовсе уже давно нет. Возможно, его давным-давно разрушили.

– Это радует.

– Хотя, конечно, его можно воссоздать... – протянул Инквивари.

– Это возможно?

– Все, что однажды было сделано, можно повторить. Другое дело, что эта магия давным-давно утрачена. Она была невероятно сложной даже по меркам Парифатской империи, а нынешняя Мистерия... Пфуй!..

– Значит, воссоздать все-таки не получится...

– Разве что...

– Разве что?..

– Криабал.

– Который из них?

– Весь. Целый. О, если собрать его целиком... Он способен дать почти абсолютную силу. Силу, сравнимую с божественной. Причем не какого-нибудь там мелкого божка, покровителя речки Вонючки. С помощью Криабала можно сделать практически все. В том числе – воссоздать Апофеоз. Если будешь знать как, разумеется.

– А если он все-таки не разрушен? Если все-таки еще цел?

– Тогда еще проще. С помощью Криабала можно разыскать что угодно. Даже необнаружимое. Если собрать его целиком, конечно. Именно это я и сказал тому пареньку, что навещал меня до вас.

– Вас навещал кто-то еще, магистр? – заинтересовался Танзен. – Кто?

– Да тоже любопытствующий, как и вы. Меня еще помнят в Мистерии, – с явной гордостью заявил Инквивари. – Не очень часто навещают, но случается, случается. Очень культурный юноша. Сам не волшебник, но явно из старой семьи – по нему видно было.

– Как его звали?

– Да откуда мне знать? Он не представился, а мне зачем его имя? Я не спрашивал.

Танзен на секунду задумался, потом достал дальнотеряло и нарисовал личный символ, открывая раздел запомненного. Поискав среди изображений, он показал Инквивари портрет-инкарну:

– Это он?

– Ой, а вы знаете – да! – удивился старый магиоз. – Он самый! Вы с ним знакомы, магистр?

– Не знаком, но очень хочу познакомиться. Его зовут Ордмунд Альяделли.

Глава 7

Никогда прежде Массено не портировался так часто, как за эту луну. Из Грандпайра в Астучию, оттуда в Мистерию, оттуда в Каргабу, а из нее обратно в Мистерию. Четвертый уже раз.

Слава богам, что Массено не из тех несчастных, что по выходе из портала являют миру содержимое желудка. Он переносил все легко.

Разве что голова малость кружилась да ноги чуть подкашивались. Такое ощущение бывает, когда мерно шагаешь по лестнице, и вдруг одна из ступеней оказывается чуть выше или ниже остальных.

Мэтр Мазетти встретил монаха приветливо. Не особенно удивился тому, что от башни Антикатиство остались только развалины, но был просто поражен, услышав о тайной комнате.

– Вы совершили настоящее открытие, святой отец, – сказал призрак библиотекаря. – Даже если больше вы ничего не добьетесь – ваше имя во всяком случае внесут в хроники Тезароквадики. Ритуальный зал Антикатиство! То самое место, где он стал тем, кем стал!

– Я буду рад, если это кого-то заинтересует, – учтиво ответил Массено. – Но лично для меня важна не сама комната, а то, к чему она может привести. Я изучил все, что нашел там, но не все из найденного подвластно моим скромным способностям. Быть может, вы сумеете пролить свет на мои находки, мэтр Мазетти?

Старый библиотекарь выслушал очень внимательно. Удивленно похмыкал, услышав о том, что Антикатиство обратился во Тьму при помощи Черного Криабала, и еще больше удивился тому, что сейчас Черный Криабал – в руках Медариэна.

– Если и есть на свете волшебник, что может держать Черный Криабал и не соблазниться его злой силой, то это Медариэн, – медленно произнес Мазетти. – Когда он учился в этих стенах, у него даже прозвище было – Белый. Но мне, однако, хотелось бы знать, что он с ним сделал... и ученому совету, полагаю, тоже.

– Вы доложите им об этом? – спросил Массено.

– Пока нет. Я неподконтролен ученому совету, святой отец. Для этого я слишком мертв. Выпал из официальной иерархии, знаете ли. Но с Медариэном я побеседую, не сомневайтесь. Мне все равно нужно проконсультироваться с кем-нибудь по поводу ваших находок – я, увы, только призрак волшебника, мои возможности несколько ограничены...

– Вы уверены, что ему можно доверять безоговорочно? – уточнил Массено.

– Если нельзя доверять Медариэну – нельзя доверять никому. Но я понимаю вашу обеспокоенность, святой отец. Ответьте сейчас на вопрос: доверяете ли вы мне?

– Вы не совершили пока ничего такого, что могло бы заслужить мое недоверие, – ответил Массено. – К тому же крайне сомнительно, чтобы вы были союзником Антикатиство.

– В таком случае примите мое поручительство за Медариэна. Разрешите показать ему ваши находки.

Массено колебался. Произошедшее в Астучии сделало его бдительным. Великий инквизитор натравил на него убийцу, шкара... великий инквизитор!.. Человек, которому, как считал Массено, тоже можно было доверять безоговорочно.

Но не доверять совсем никому тоже нельзя, мэтр Мазетти прав. Одними только своими силами Массено ничего не добьется.

Все еще немного колеблясь, он машинально раскрыл в случайном месте Ктаву и прочел: «Двурушников остерегайтесь, но берегитесь упрекнуть в лжи честного человека, ибо лучше ошибиться доверием, чем недоверием».

Цитата выпала настолько удачная, настолько подходящая к ситуации, что Массено настоялся. Мазетти, слышащий его мысли, как ясную речь, улыбнулся и сказал:

– Я не контролирую ваши пальцы, святой отец. Вы сами раскрыли святую книгу, я не принимал в этом участия.

– Я верю вам, – чуть промедлив, ответил Массено.

– В таком случае оставьте мне ваши находки. Я постараюсь выжать из них все, что можно.

– Полагаю, это займет какое-то время. Могу ли я чем-то помочь?

– Думаю, нет. Не могу сказать заранее, сколько времени мне понадобится... возможно, несколько дней. Где вы остановились?

– Пока нигде, – ответил Массено, снова чуть промедлив. Ему вспомнился аналогичный вопрос великого инквизитора.

– Можете поселиться в гостевом корпусе. Просто скажите, что вы от меня, вас разместят.

– Благодарю.

– Это мне следует вас благодарить. Мне и всей Мистерии. Я свяжусь с вами, когда что-то прояснится, а до тех пор... я не стану предлагать вам отдых и развлечения, учитывая ваш сан. Полагаю, вы лучше меня знаете, чем пристало заниматься солнечным монахам. Можете свободно пользоваться библиотекой, если хотите.

– Это очень любезно с вашей стороны.

Следующие несколько дней Массено провел в каком-то подвешенном состоянии. Он сделал все, что мог сделать, и теперь оставалось только ждать. Библиотеку он действительно навещал еще неоднократно, но Мазетти ни разу не встречал. То ли древний призрак был очень занят, то ли просто не считал нужным показываться.

По Валестре монах тоже прохаживался. Все-таки это потрясающий город, где чуть ли не каждое здание – достопримечательность. Он обнаружил на окраине маленький храм Солары, и молоденькая жрица так обрадовалась солнцегляду-великосхимнику, что провела для него настоящую экскурсию.

– Видите то здание, отец? – тараторила она без устали. – Когда-то там располагался университет Эксплорационис! Там изучали... ой, я не помню, что именно. Ну это и не важно – его закрыли лет пятьсот назад... или даже еще раньше. Сейчас там одно из отделений Типо-гримагики... кажется. А вон там – Аргентивные бани... ой, отец, там такие купальни, такие... хотя это очень греховно, конечно. Я туда не хожу.

– В купании нет греха, сестра, – возразил Массено. – Разве не дана нам была заповедь от Кобалии?

– Ой, да, простите, – смутилась жрица. – Просто наша мать-наставница... ой, да нет, не важно. Конечно, вы можете зайти в Аргентивные бани, в этом нет ничего плохого. Я сама в прошлую луну... ой, это совсем не важно. Посмотрите лучше на вон тот дом! Красивый, правда? Там живет профессор Зукта, торговец способностями! Можно купить любую!.. но это так дорого... и вообще он предпочитает меняться, а не продавать... А вон там, чуть дальше, «Клык и коготь», магазин профессора Ильмеарр! Хотите, зайдём? Там продаются любые животные со всего мира!

День выдался насыщенный. Возможно, увлеченная жрица показала монаху и не всю Валестру, но преизрядную ее часть. А на следующее утро ему под дверь подсунули записку с просьбой зайти в библиотеку, к мэтру Мазетти.

Тот ожидал Массено в закрытой секции, одном из множества ее закоулков. В окружении древних книг там стоял столик с жезлом, гримуаром и кристаллами Тьмы, а рядом – светящийся призрак и некий юноша, похожий на студента. Едва ли семнадцати лет от роду, облаченный в легкую серую робу и сандалии, он учтиво кивнул Массено.

– Мир вам, святой отец, – произнес он мягким голосом.

– И вам мир... не имею чести знать вашего имени... мм... мэтр?..

– Медариэн.

– О, так вы и есть... простите, я не знал вас в лицо, – смутился Массено. – Я представлял вас несколько... старше.

– О, обычно я и есть старше. Просто сейчас начало весны.

– Возраст моего коллеги зависит от времени года, – пояснил Мазетти, заметив недоумение монаха. – Весной он безусый юноша, летом – зрелый мужчина, осенью – пожилой человек, зимой – дряхлый старец. А в Злой День крепко засыпает и откатывается назад, встречая новую весну мальчишкой.

– И хорошо еще, что не младенцем, – улыбнулся Медариэн. – Я начинаю с тринадцатилетнего возраста и взролею на год за каждые пять дней.

– Это и впрямь удивительно, – сказал Массено. – Воистину нет пределов возможностям волшебства.

– Это не совсем волшебство... но давайте обсудим это как-нибудь в другой раз. Сейчас у нас есть более важные темы для разговора.

– Да. Антикатиство.

– Антикатиство, – согласился Медариэн. – Мэтр Мазетти рассказал мне о том, что вы рассказали ему...

– Это все правда, – поспешил заверить Массено.

– Я не сомневаюсь в ваших словах, – поднял ладонь Медариэн. – Вы, несомненно, видели элементария Тьмы – вчера я побывал на озере Гвиг и изучил проведенный там ритуал. Там действительно призвали... нечто. Нет полной уверенности, что это был именно Антикатиство – в конце концов, у него нет монополии на Тьму, – но это возможно.

– Здесь я не согласен с вами, коллега, – мотнул головой Мазетти. – Элементарии Тьмы – создания чрезвычайно редкие, но не уникальные. Тот магиоз, у которого вы отняли Черный Криабал, тоже пытался их создавать. И даже создал несколько, если верить его записям.

– Да, сейчас я корю себя за то, что позволил ему уйти, – вздохнул Медариэн. – То был чрезвычайно вредоносный безумец, но сам по себе он был почти безобиден, и я полагал, что вырвал ему зубы, отобрав Черный Криабал...

– Насколько понял я, это действительно было так, – заговорил Массено. – Последние десять лет жизни он провел в печальном уединении, не в силах навредить никому, кроме самого себя. Однако мне немного удивительно, отчего вы не прекратили его скорбное существование или хотя бы не передали Кустодиану.

– Я не убиваю, – мотнул головой Медариэн. – Никого. Никогда. Это мой принцип, святой отец, и я не нарушу его. Что же до Кустодиана... я не во всем согласен с проводимой ими политикой. У нас есть определенные расхождения во взглядах на то, что верно, а что неверно.

Массено наклонил голову, никак не комментируя слов Медариэна. Устами Ктавы, святых и пророков Двадцать Шесть учат неизменно мудрым и добрым вещам, но среди Двадцати Шести нет одинаковых. Их заповеди не противоречат друг другу, но дают достаточно широкий простор для действий и помыслов.

Беспредельное всепрощение и милосердие даже по отношению к явному злу проповедует лишь благой Медеор. Остальные боги не так великодушны. Алемир учит справедливому воздаянию за преступления, Космодан велит подчиняться установлениям властей, а Кобаля говорит, что нет свершения благородней мести.

Массено же служит Соларе. Светлая Госпожа неописуемо добра, но лишь к тем, кто заслуживает доброты. Изгнавшие ее из своего сердца не вызывают у нее жалости. Нечисть, черные колдуны и те, чья душа темнее ночи, должны быть истреблены – и именно для того Лучезарная призвала к службе Озаряющих Мрак.

Мазетти окинул монаха ироничным взглядом. Он, разумеется, услышал его мысли.

– Что ж, без Черного Криабала он при всем желании не мог натворить подлинно страшных дел, – все же сказал Массено. – Не будет ли, к слову, с моей стороны неучтивым спросить, что вы сделали с этим гримуаром, мэтр? Он все еще у вас?

– Разумеется, нет, – мотнул головой Медариэн. – Черный Криабал слишком опасен. Я пытался уничтожить его, но моих скромных сил оказалось недостаточно. Даже чтобы просто вырвать из него страницу, пришлось бы заплатить дороже, чем я был готов.

– В таком случае смею предположить, что вы где-то надежно его скрыли?

– Да. Настолько надежно, насколько это вообще возможно. Еще десять лет назад я переправил его в другой мир – туда, где нет волшебства и никто не понимает парифатского языка. Даже если его вдруг случайно отыщут, то просто не смогут прочесть. Никто там не поймет, что это вообще такое, и не сможет воспользоваться его силой.

– Радостно это слышать. А что насчет принесенных мной предметов? Они были для чего-либо полезны?

– Мы изучили их, – ответил Мазетти. – Гримуар пролил свет на жизнь и деяния того безумного волшебника – теперь мы знаем больше о нем и, что еще важнее, об Антикати́сто. Но о самых важных вещах там все-таки не очень много. К примеру, мы узнали, что в тот краткий период, когда в его руках был Черный Криабал, он проводил какие-то ритуалы. Но какие именно? Об этом в книге почти ничего.

– Он обратил своих слуг в какую-то необычную форму нежити, – сообщил Массено.

– Да, это мы поняли. И еще он экспериментировал с Тьмой, пытался создавать ее элементарей, призывал каких-то тварей... но подробностей он приводить не стал. Все время ограничивался фразами: «это самоочевидно» и «ну дальше понятно».

– Да, я тоже это заметил, – кивнул Массено. – Но я надеялся, что сведущие в волшебных науках увидят больше меня.

– Жаль, но нет. Что же до его жезла... что ж, это самый обыкновенный жезл. Простенький инструмент, упрощающий прием маны и фокусировку заклинаний. Это даже не артефакт Бакулюмуста, а всего лишь типовая палка волшебника, вы можете купить такую в любой лавке. Он даже не представляет исторической ценности, поскольку принадлежал мелкому, ничем не выдающемуся бакалавру. С вашего позволения, мы отправим его на переплавку.

– Поступайте, как вам будет благоугодно.

– Очень жаль, что вы не прихватили его костей, святой отец, – задумчиво произнес Мазетти. – Хотя бы одной.

– Костей?... – удивился Массено. – Для чего?

– Мы бы вызвали его дух. Получили бы информацию из первых уст.

– Я не стал бы помогать вам в этом, даже если бы знал о подобной возможности, – с отвращением произнес Массено. – Некромантия – богопротивное занятие, порицаемое всеми святыми отцами. Перед тем как покинуть ту башню, я предал останки ее несчастных обитателей упокоительному огню.

– Да, мы знаем, – хмыкнул Медариэн. – Там я тоже вчера побывал. Вы не оставили нам даже пепла, святой отец.

– Можно попробовать призвать и через личные вещи, – произнес Мазетти. – У нас есть жезл, гримуар... хотя ладно, не так уж нам это и нужно, – добавил он, заметив плотно сжатые губы монаха. – Нас интересует не тот сумасшедший, а тот, кем он вдохновлялся. И вот здесь мы видим именно что, можно сказать, его останки...

– Частицы кристаллизованной плоти, – кивнул Массено. – Я тоже прочел эту книгу.

– Да. Мы их проанализировали – они подтверждают, что Радож Токхабая преобразовал себя в высшего первостихийного элемента. Живой сгусток Тьмы.

– Вот видите.

– Но мы знали это и раньше, святой отец. Это вовсе не означает, что он вернулся к жизни.

– Не означает. Но я знаю, что я видел.

– Вы не можете быть абсолютно уверены, – устало повторил Мазетти. – Элементали Тьмы – не уникальное явление. Да и среди нечистой силы есть существа, которые от них почти не отличаются.

– На взгляд непосвященного, – добавил Медариэн.

– При всем уважении: вы в самом деле считаете, что меня можно причислить к непосвященным? – спросил Массено. – Многоуважаемые мэтры, я обучался в монастыре Солнца. Я имею дело с нечистью всю жизнь. Я умею различать ее виды.

– Хорошо-хорошо, не будем спорить, – поднял руки Мазетти. – В любом случае благодаря этим осколкам мы сейчас узнаем все наверняка. И мы уже подготовили ритуал, но нам хотелось, чтобы вы присутствовали, святой отец. Вы это заслужили.

– Благодарю, – поклонился монах.

Происходящее в дальнейшем он видел, но не понимал. Волшебники творили волшебство. Осуществляли ритуал.

В основном Медариэн. Мазетти, будучи призраком, помогал больше советами. А вот Медариэн... даже профан вроде Массено видел, насколько возвысился сей кудесник в своем искусстве. Лауреат премии Бриара первой степени, профессор Ингредиора, профессор Спектуцерна, он был ранее президентом университета Риксаг, входил в ученый совет Мистерии. Но он оставил сей пост по каким-то личным соображениям, добровольно вышел в отставку и теперь является просто частным лицом.

Но это не повлияло на его способности.

– Да, эти предметы появились в результате черной магии, – сказал Медариэн, левитируя один из осколков над ладонью. – Чистая кристаллизованная Тьма. Мы называем подобное явление Душой Тьмы, святой отец. В своем изначальном виде она чрезвычайно опасна и запрещена к хранению, но эти пролежали много веков и утратили большую часть заряда. Однако даже и сейчас в плохих руках они могут принести вред.

Массено внимательно слушал. Он не удивился тому, что это черная магия – очевидно же, что не белая. Собственно, вся разница между ними в том, что черная изначально негативна и может быть применена во благо лишь опосредованно, белая же – наоборот.

Что же до серой, наиболее распространенной, то она подобна инструменту. Хороший человек с ее помощью творит добро, дурной – зло.

– Очень интересно, – промолвил Медариэн, просвечивая один из осколков собственным взглядом. – Святой отец, вы видите эти отблески?

– Как бы серебристое свечение? Конечно.

– Ага. Я так и думал, – с каким-то внутренним удовлетворением сказал Медариэн. – То особенное зрение, которым наделяет вас Солара, позволяет видеть то, что не видно обычному человеку. А вон те завихрения вы тоже видите?

– Разумеется.

– В таком случае опишите мне их.

Массено описал. Медариэн покивал и сказал:

– Да, все верно. И это, святой отец, не что иное, как аурическое истечение флюидов. Видя их форму и насыщенность, можно провести первостихийный анализ и получить несколько интересных фактов о источнике. И один из них я уже вижу.

– Да, я тоже, – подтвердил Мазетти. – Возраст оригинала. Теперь мы знаем, когда именно Токхабаяж стал Антикати́сто. Но... это странно.

– Что именно странно? – спросил Массено.

– Датировка. По флюидам можно установить возраст образца с точностью до года, и возраст этого – шестьсот шестьдесят восемь лет. То есть элементаль Антикати́сто родился в восемьсот сорок девятом году. Но... это странно.

– Что же тут странного? – все еще не понимал Массено.

– Странно то, что впервые мы услышали о нем только в восемьсот семьдесят девятом. Ровно тридцать лет спустя. Получается, что после рождения он в течение целых тридцати лет оставался незамеченным. Не давал о себе знать. Для высшего элемента Тьмы подобное нехарактерно.

– Вы не могли ошибиться в датировке? – спросил монах.

– Не настолько. Даже если допустить, что мы с коллегой оба обсчитались, неверно расшифровали данные – это изменит результат на два-три года, не больше. Допустить более грубую ошибку могли бы студенты или волшебники-любители, но для нас...

– Для нас это было бы позорно, святой отец, – добавил Медариэн. – Как для вас – неверно процитировать Великую Молитву.

– Что ж, примем за аксиому, что вы не ошибаетесь, – согласился Массено. – Но что это в таком случае означает?

– То, что первые тридцать лет Антикати́сто никого не беспокоил. Но почему?

– А ради чего он вообще превратил себя в... такое?

– Мы не уверены на сто процентов, – сказал Мазетти. – Возможно, просто ради эксперимента. Вы удивитесь, как часто волшебники творят безумнейшие вещи, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет...

– К сожалению, не удивлюсь, – печально возразил Массено. – Я бывал такому свидетелем.

– Но лично мне все же кажется, что причиной было другое, – продолжил Мазетти. – Я был знаком с Токхабаяжем до того, как тот превратился в ходячий кошмар. Не слишком близко, мы не были друзьями, но общаться нам случалось не раз. Он был не из тех, что все время ищут новых применений волшебству. Напротив – это был на редкость разумный и здравомыслящий человек. Немногие мыслили столь же рационально, что и он.

– И что же тогда заставило его пойти на такое?

– Я могу ошибаться. Возможно, под конец жизни он все-таки сошел с ума. Ему было четыреста лет – а это огромный срок для волшебника-человека. Даже если он лауреат премии Бриара. Последние полвека он провел уединенно, почти ни с кем не общаясь... и за это время его рассудок мог повредиться.

– Такое бывает, – согласился Медариэн.

– Бывает. Но лично мне все же кажется, что он стремился к тому же, к чему стремится если не каждый, то, во всяком случае, очень многие волшебники. К бессмертию. В наших беседах Токхабаяж пару раз обмолвился, что среди всех известных в Мистерии способов продлить жизнь нет ни одного действительно надежного. Они все... не окончательны. Все имеют какие-то изъяны и недостатки. Возможно, именно в поисках нового, действительно надежного способа он и стал высшим элементом.

– Я не так уж много знаю о элементах, – задумчиво произнес Массено. – Но даже мне известно, что бессмертие – это не совсем про них.

– И здесь вы тоже правы, святой отец. Может показаться, что Токхабаяж допустил грубейшую ошибку. Забыл о таком очевидном каждому школяру факте, что элементы вовсе не бессмертны.

– Не бессмертны?... – усмехнулся Медариэн. – Да их даже долгожителями-то не назовешь. Элементаль – это живая стихия, воплощенное буйство природы. Долго ли живет смерч или цунами? Продолжителен ли век снежной лавины или лесного пожара? Большинство из них легко рождаются, яро живут и скоро умирают.

– Большинство... однако не все, – напомнил Массено.

– Не все, верно, – согласился Мазетти. – Среди элементарей есть и устойчивые, способные протянуть века, даже тысячелетия, но это редкие исключения из правила. И даже таким исключениям все равно нужна постоянная подпитка. Постоянно нужно пополнять себя тем

веществом, из которого он состоит. Это легко, если вокруг такого вещества много. Земляные или воздушные элементарии не испытывают затруднений. Да и огненные могут худо-бедно перебиться, особенно поселившись где-нибудь в жерле вулкана. Но что делать кому-то вроде Антикати́сто? Что делать элементарии Тьмы?

– То есть бессмертия он таким образом не получил?

– Сложно сказать... – протянул Мазетти. – Легендарный Катисто после обращения в высшего элементария Света прожил всего пять лет. Говорят, то были самые счастливые пять лет в истории Парифата. Потом он... информация об этом туманна и противоречива, но все сходится на том, что более его никто никогда не встречал. Антикати́сто, однако ж, прожил подольше – более того, сумел возродиться, казалось бы, из совершенного небытия. Как ему это удавалось? Чем он кормился, где получал необходимую Тьму?

– Возможно, что возродился он даже не один раз, а дважды, – добавил Медариэн. – Тот промежуток в тридцать лет... где он был все это время? Неужели просто тихо сидел в своей башне?

– У вас есть мнение на этот счет, коллега? – спросил Мазетти.

– В отличие от вас я не был знаком с мэтром Токхабаяжем. Меня в те времена еще просто не было на свете. Но вы даете лестную оценку его разуму – и я далек от того, чтобы подвергать ваше мнение критике. Возможно, даже после преобразования в чистую Тьму он не сразу утратил рассудок. Возможно, какое-то время в нем еще жила прежняя личность, и какое-то время он боролся с переменами внутри себя. Возможно, он просто позволил себе... исчезнуть.

– Исчезнуть?..

– Да. Осознал, что сотворил нечто ужасное и непоправимое, – и просто добровольно перестал существовать. Однако потом... потом он возродился. Но к тому времени Тьма изменила его бесповоротно – и он был уже совсем не он. Именно тогда он явился в Мистерию и стал творить непростительные вещи.

– Интересная теория, – сказал Мазетти. – Это объясняет тридцатилетний промежуток. Вы в самом деле считаете, что так все и было?

– Это возможно. Элементарии ведь не обладают жизнью в привычном нам понимании. Это просто одушевленные сгустки однородного вещества или энергии. А тот, кто не живет...

– ...Не может и умереть, – закончил Мазетти.

– То есть элементарии все-таки бессмертны? – уточнил Массено. – Мне кажется, что до этого говорилось обратное. Разве здесь нет противоречия?

– Элементарии не бессмертны, потому что они не живы, – объяснил Мазетти. – Элементария можно расточить, рассеять, но не убить. И если элементарий разумен и при этом охвачен некой идеей, если он одержим желанием вернуться – он вернется. Снова воплотится в своей стихии. Возможно, на это ему потребуются годы. Даже века. Но он вернется.

– В таком случае я не понимаю, почему вы так упорно не желаете признать, что Антикати́сто снова ходит по земле, – покачал головой Массено.

– Понимаете, святой отец, мы убивали Антикати́сто дважды, – ответил Мазетти. – И в первый раз мы действительно просто расточили его. Это было очень сложно, мы сражались с ним много лун... но общими усилиями мы справились. Однако это его не убило – и он действительно вернулся. Это заняло у него почти восемнадцать лет – но он вернулся, и кошмар начался снова. Однако среди нас был тот, кто все эти годы ожидал возвращения Антикати́сто и готовился к нему. Ордер Бецалли, наш тогдашний председатель ученого совета. Он выяснил, что для того, чтобы уничтожить элементария окончательно, лишить всякой возможности к возвращению, его нужно не расточать, а изгонять. Разорвать связь между духом и элементом.

– И он это сделал?

– Он это сделал. Ордор Бецалли сконструировал специальное заклинание конкретно против Антикати́сто. Заплатил собственной жизнью, но сумел уничтожить его окончательно. И, как видите, с тех пор он больше не возвращался.

– Возможно, он уничтожил его все-таки не окончательно, – упорно гнул свое Массено. – Возможно, в этот раз ему просто потребовалось больше времени на возвращение.

– Шестьсот лет, – скептически произнес Мазетти.

– Это больше восемнадцати, согласен. Но это не бесконечно великий срок.

– Святой отец, умение отстаивать свою позицию – положительное качество, но в вашем случае это уже больше похоже на упрямство, – поморщился Мазетти. – Отчего вы не желаете признать очевидный факт? Антикати́сто больше нет.

– Не нужно спорить, – подал голос Медариэн. – Я уже почти закончил. Сейчас мы снимем последний слой и узнаем точно, где сейчас Антикати́сто. Если кристаллы отзовутся – он где-то здесь, среди живых. Если останутся инертными – святому отцу придется признать свою неправоту.

Ни разу еще в жизни брата Массено не было столь напряженного момента. Да и волшебники, третий и четырнадцатый лауреаты первой степени, смотрели на эти кристаллы, словно ждали, что те взорвутся. Сам воздух в помещении как будто сгустился.

Массено очень надеялся, что кристаллы не отзовутся. Всей душой молил богов, чтобы все это оказалось просто ошибкой отца Стирамеда. Он бы с огромным удовольствием извинился перед волшебниками, что зря их всполошил.

Но кристаллы вспыхнули. Замерцали и завибрировали, чуть-чуть подвигаясь к югу.

– Антикати́сто жив, и он где-то там, – глухим голосом прокомментировал это Медариэн. Мазетти скорбно вздохнул.

– Вы были правы, святой отец, – промолвил он. – Вы были правы, а я ошибался.

– Не имеет значения, кто был прав, а кто ошибался, – отмахнулся Массено. – Важно то, что теперь с этим делать. Мы можем еще раз изгнать Антикати́сто заклинанием мэтра Бецалли?

– Заклинанием мэтра Бецалли владел только мэтр Бецалли, – развел руками Мазетти. – Оно было чрезвычайно сложным и предельно узконаправленным. Сами понимаете – никто не считал нужным несколько лет осваивать заклятие, которое никогда не пригодится.

– Однако теперь, когда мы знаем, каким способом Антикати́сто стал Антикати́сто... – задумчиво произнес Медариэн. – Возможно, найдется и другой способ.

– Черный Криабал?.. – сразу понял Мазетти.

– Черный Криабал. С его помощью Антикати́сто создал себя – возможно, с его помощью процесс можно и обратить вспять.

– Вы уверены, что это того стоит, коллега? Черный Криабал очень опасен.

– Антикати́сто гораздо опаснее, – хмуро сказал Медариэн. – Думаю, это оправданный риск.

– Я в этом не уверен, – покачал головой Мазетти.

– В Буром Криабале нужных средств нет, вы сами знаете, – развел руками Медариэн. – Насчет Красного, Серого, Синего и Зеленого я тоже сомневаюсь. Возможно, помог бы Белый или Рваный, но они сгинули тысячи лет назад, и у нас нет времени их разыскивать. А вот где искать Черный – мне известно.

Массено слушал их молча. Использование такого темного гримуара показалось ему заведомо недопустимым, но он не так разбирался в магии, чтобы вступать со своим мнением.

– Мне самому не хочется к такому прибегать, – добавил Медариэн, словно услышав его мысли. – Но я не вижу вариантов лучше. Не исключено, что сейчас Антикати́сто слаб, как котенок, раз уж он сбежал от одного только взгляда брата Массено... но мы не можем быть в этом уверены. И мы не знаем, долго ли еще он будет набираться сил. Так что я отправлюсь за Черным Криабалом прямо сейчас. Вы же... святой отец, что вы собираетесь делать дальше?

– Разыскивать Антикати́сто.

– О?.. И как же, если мне позволено спросить?

– С помощью этих предметов, – указал на пульсирующие осколки Массено. – Они ведь движутся в сторону своего хозяина. Я просто последую за ними.

– Вижу, вы настроены серьезно, святой отец, – оценил Медариэн. – Но, имея только указатель, да еще такой неточный, вы будете странствовать долго. Парифат большой.

– Большой, – согласился Массено. – Но за последнюю луну я побывал на двух материках и двух островах. Ваши порталы сделали Парифат доступным.

– Резонно. Но здесь есть еще один нюанс, о котором вы знать не могли. Эти кристаллы приведут вас к Антикати́сто лишь при условии, что он достаточно долго сидел на одном месте. В противном случае вы найдете лишь точку, где он был луну или две назад. Эти кристаллы расстались с ним слишком давно, связь очень слабая, и реагируют они с запозданием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.